
ОГОНЁК
№ 44 ОКТЯБРЬ 1961
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
XXII СЪЕЗД КПСС

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 44 (1793)

29 ОКТЯБРЯ 1961

39-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

XXII СЪЕЗД КПСС

НИКИТА СЕРГЕЕВИЧ ХРУЩЕВ СРЕДИ ДЕЛЕГАТОВ СЪЕЗДА.

Друзья и братья

Терень МАСЕНКО

У века вера, правда есть!
И я, возвысив века веру,
Моим друзьям и братьям здесь
Распахиваю сердца двери,
Чтоб главное сказать.
Маня́,
Оно во мне живет,
доколе
Захватывает жизнь меня,
Как богатырское раздолье.

Вглядись в Историю, поэт:
Здесь, во дворце, вот в этом зале,
Мы, коммунисты, на весь свет
Слова высокие сказали.

Заря Коммуны!
Ты горишь,
Народам всей планеты зрима,
И коммунаров шлет Париж,
И едут коммунисты Рима.

Здесь всех земель и стран послы,
Участники борьбы великой.
Сыны Британии пришли,
Сыны труда из Коста-Рики.

Свободы,
мира
гордый стан.
Китай,
Корея...
Все мы братья!
И должен в сердце всё вобрать я,—
Один нам высший жребий дан!
Болгарин,
чех,
румын
и немец!
Одной мы правдою полны,
И главы мы одной поэмы —
Поэмы Ленинской весны.

Ни океаны, ни моря
Собой не разделяют страны.
Растут под солнцем Октября,
Мужают партии-титаны.

Какие ж «экспорты идей»?
Я утверждаю это смело:
Всех обездоленных людей
Влечет к нам вера в наше дело.

Народы Африки,
Вьетнам
И Куба, сбросившая рабство,
Навеки благодарны нам —
Эпохи Ленина сынам,—
Взорлившим стяг людского Братства.

Что я люблю
И чем живу,
То я вовеки не покину!
И если славлю я Москву,
Я славлю мира сердцевину.

Покуда жив, трубач, труби!
День ото дня
И век от века
Не спи, Поэзия, не спи:
Вершится бой за Человека!

Перевел с украинского
Анатолий ПОПЕРЕЧНЫЙ.

Фоторепортаж с XXII съезда КПСС Дм. Бальтерманца, Я. Рюмкина, Д. Ухтомского.

XXII СЪЕЗД КПСС

Анатоль ВЕЛЮГИН

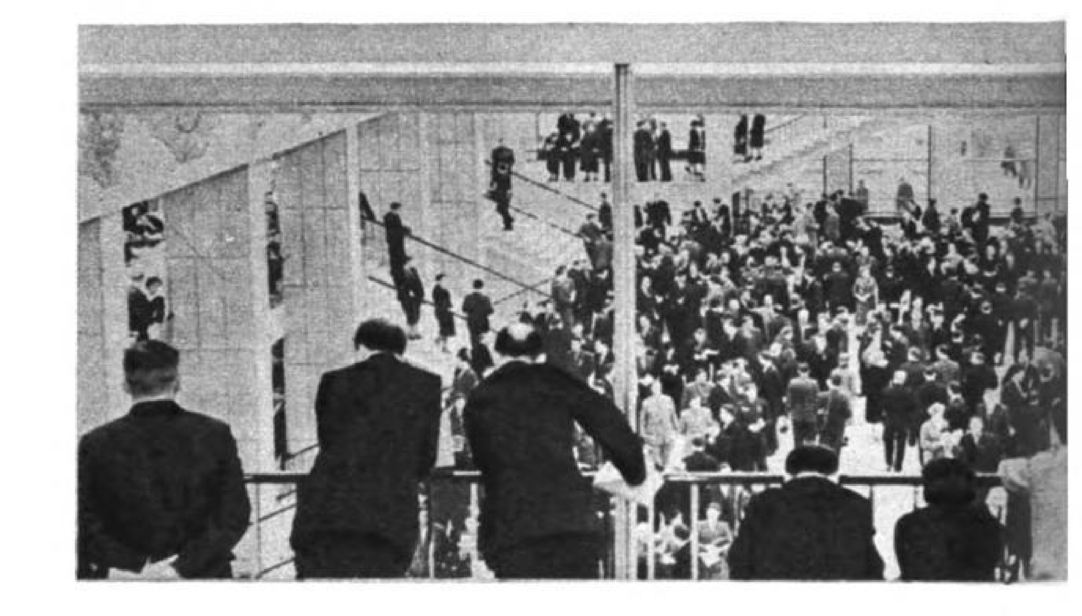
Не полынь на дедовом наделе —
Море шепчется с прибрежною сосной...
Стал воскресным будний день недели:
Говорит родная Партия со мной.

С вами говорит, со всем народом —
Ясная дорога впереди:
Счастья будет больше с каждым годом,
Славе нас приветствовать в пути.

В доме хлеб, и розы возле дома;
В окнах свет, и свет в душе людской;
Рвущееся пламя космодрома,
И земли заслуженный покой;

На реке веселый гул прорана
И огней негаснущих разлив,—
Все вместила новая Программа!
В ней наш мир по-новому красив.

Перевел с белорусского
Н. БЫКОВ.

Президент Академии наук СССР М. В. Келдыш и президент Академии наук Грузинской ССР Н. И. Мусхелишвили.

Много хороших знакомых, старых и новых друзей встретила на съезде Герой Социалистического Труда знатная прядильщица Валентина Гаганова.

Руководители партии и правительства со старейшими коммунистами — делегатами XXII съезда КПСС.

В перерыве между заседаниями.

Председатель колхоза «12-й Октябрь», Костромской области, Герой Социалистического Труда П. А. Малинина с делегатами съезда.

«Как дела на родной земле?» Члены партийной делегации Украины: Н. Е. Гавриленко, председатель Днепропетровского горисполкома, Я. Е. Осада, директор Научно-исследовательского трубного института, и Л. Д. Юпко, Герой Социалистического Труда, директор завода «Запорожсталь», — в перерыве между заседаниями XXII съезда встретили своего земляка И. Ф. Филичкина, директора Череповецкого металлургического завода (второй слева). ↓

Партийная делегация Ростовской области.

XXII СЪЕЗД КПСС

Делегация Коммунистической партии Таджикистана.

Председателя ЦК Партии трудящихся Вьетнама Хо Ши Мина тепло приветствуют делегаты съезда.

Члены делегации партии Суданский Союз Республики Мали.

Председатель Президиума Верховного Совета Литовской ССР Ю. И. Палецкис разговаривает с членами делегации Коммунистической партии Соединенных Штатов Америки Элизабет Гэрли Флинн и Генри Уинстоном.

С гостем съезда генеральным секретарем Французской коммунистической партии Морисом Торезом с радостью встречаются делегаты.

Делегация Объединенных революционных организаций Кубы во главе с товарищем Блас Рока.

КРЕМЛЬ, XXII СЪЕЗДУ КПСС

Тысячи, тысячи, тысячи писем, телеграмм поступают каждый день по этому адресу. Советский народ приветствует съезд, рапортует об успехах, дает новые обязательства.

...Бригада коммунистического труда сталевара мартеновского цеха № 2 Таганрогского металлургического завода Давыдова Ивана Серафимовича рапортует съезду о выполнении своих социалистических обязательств. В честь открытия съезда дано сверх плана восемьсот тридцать три тонны качественной стали!..

*

Мы, моряки теплохода «Дмитрий Донской», следуя рейсом из Ленинграда в Гавану, находясь в центре Атлантического океана, горячо приветствуем открытие съезда нашей родной партии, приветствуем делегатов съезда, желаем им доброго здоровья, плодотворной работы.

По поручению экипажа капитан Гинцберг, первый помощник Конев, секретарь Солодов, председатель судкома Маслобоев.

*

...Исполнившееся 17 октября мое столетие совпало со съездом родной партии. Я счастливая мать, вырастившая детей, внуков, правнуков. Сын мой, офицер Советской Армии, отдал жизнь, защищая Ленинград, чтобы советские люди остались свободными. Принятие Программы партии придаст мне новые силы, бодрость в дальнейшей жизни.

Шогакат Парсаданян

*

...Рады доложить XXII историческому съезду родной Коммунистической партии, что, несмотря на неблагоприятные климатические условия, наше механизированное звено вырастило высокий урожай кукурузы на площади 147 га. Урожай зеленой массы составил по 977 центнеров с каждого гектара.

Концевая Мария Яковлевна
Колхоз «Орша», Витебской области.

*

...Докладываю съезду родной партии, что взятые обязательства в честь XXII съезда КПСС успешно выполнил в день открытия съезда: в 9.00 совершил тысячный прыжок с парашютом, готов выполнить любое задание партии и правительства.

Беспартийный, майор Гарькуша К. М.

*

...В день начала работы съезда в нашей 221-й школе создана комсомольская организация в количестве 50 человек. Обещаем жить, трудиться и учиться по-коммунистически.

Комсомольцы 221-й школы Тимирязевского района города Москвы.

*

...Горячо желаю успехов историческому XXII съезду, сердечно благодарю продолжателя великого дела Ленина Никиту Сергеевича Хрущева за ликвидацию культа Сталина, за восстановление и развитие ленинских организационных принципов укрепления партии. Обнимаю и целую тебя.

Бывший уральский рабочий, ныне профессор, член КПСС с 1915 года Александр Ильин.

Сквозь время, огонь и войну

Среди многочисленных подарков XXII съезду нашей партии — электростанций и автоматических линий, сверхплановой стали и рекордных урожаев пшеницы — один был не совсем обычный. Всего несколько листков бумаги.

Я читал строки первой Программы нашей партии, принятой в 1903 году Вторым съездом РСДРП. На полях — еле заметные пометки. Экспертиза уже установила: пометки сделаны рукой Владимира Ильича Ленина.

Этот бесценный подарок преподнес съезду строителей нового общества коммунист Антонин Аркадьевич Раменский.

Комната небольшая, скромно обставленная. Здесь царствует запах валерьянки. Значит, с хозяином стряслась беда. Давно? Да, началось очень давно. Еще в 1929 году. Тогда ему было всего 16 лет. Он был студентом Бологовского педагогического техникума, лектором, комсомольцем, веселым и задиристым парнишкой.

В конце 1929 года комсомолец Антонин Раменский участвовал в проведении коллективизации в Бологовском районе. Там-то и подстерегла его кулацкая банда. Врачи искренне удивлялись, когда он начал поправляться.

Пятилетки. Многотрудная жизнь партийного работника. Война. Пробравшись через все медицинские рогатки (здоровье-то было далеко не отличное), ушел-таки добровольцем на фронт, чтобы обязательно, непременно дойти до Берлина. Но не дошел. Контуженного, в тяжелом состоянии перевезли в Москву. Мало-мальски пришел в себя — и снова за работу. Но болезни — старые и новые — тут как тут, одолели, свалили.

На табуретке стоят лекарства — пузырьки, коробочки. Мой собеседник лежит в постели. Так он лежит уже седьмой год. Смотрит куда-то в потолок и говорит:

— За то время, пока вот тут лежу, как-то особенно почувствовал, как много у нас хороших людей. Замечательных людей! Не будь их, не смог бы я выжить.

Во время нашего разговора зашла соседка, справилась о здоровье, спросила, какие газеты и журналы выписать. Ушла, озорно блеснув глазами: «Готовьтесь, скоро на каток пойдем». Антонин Аркадьевич улыбается и молчит. Наверное, думает о хороших людях. А я читаю книгу. Собственно говоря, это не книга, а переплетенная рукопись. Стихи. Сборник называется «Родина». Эпиграф: «Люди, я любил вас! Будьте бдительны!» Первое стихотворение написано в первый день войны — 22 июня 1941 года. Все остальные — недавно.

Антонин Аркадьевич смущенно говорит:

— Это не для печати. Так...

Я его понимаю. Человек должен работать, иначе что он за человек. Пусть стихи написаны не рукой поэта, но в них чувствуется твердый почерк гражданина, почерк коммуниста.

— Вы, разумеется, хотите узнать о брошюре с первой Программой и первым Уставом нашей партии? — Мой собеседник оживляется. — Она принадлежала моему дяде, хранилась у деда. Он был учителем в селе Мологино — это в Калининской области. Библиотека у нас там была богатая. Пришли немцы, спалили село, и наш дом сгорел. Получилось так, что по селу долгое время проходила линия фронта. Была там, как говорят, «ничья» земля. Снаряды так все перепахали, что невозможно было даже отыскать место, где стоял наш дом. Приезжал я туда, пытался делать кое-какие раскопки, да так ни с чем и уехал. Придумал я тогда такую вещь: написал письмо в близлежащую школу. Мальчишки — народ вездесущий, а вдруг найдут! И вот нашел однажды один такой «археолог» на пепелище обгоревший комплект «Нивы». Переслали мне. Стал я его листать и нашел вот эти самые странички. Может, в целях конспирации когда-то засунули их в комплект вполне лояльного в то время журнала... Не думал я, что это представляет какую-нибудь ценность. Отпечатано в типографии, значит, думаю, сохранились и другие экземпляры. И только недавно, когда показали эти листки ученым, выяснилось, что пометки на полях сделал Ильич. Решил я подарить этот документ XXII съезду.

— Скажите, а как могла попасть к вашим родственникам брошюра, принадлежавшая Владимиру Ильичу? — спросил я.

Вместо ответа Антонин Аркадьевич протянул мне книгу в старом-старом, потертом переплете.

— Это наша трудовая книжка, — улыбнулся он.

Читаю. Непонятно. «Всеобщий секретарь, или новый и полный ПИСЬМОВНИК». Издан еще до наполеоновского нашествия.

— Вы читайте, что там чернилами написано, — помогает Раменский.

И точно. Своеобразная трудовая книжка поколений. Книга была подарена «учениками и почитателями» села Мологино учителю Алексию Раменскому в день пятидесятилетия его педагогической работы. На первом же чистом листе написано: летом 1763 года он приехал из Москвы в Мологино, чтобы организовать «школу для народа».

Книга передавалась по наследству, и каждый ее владелец вписывал новые строчки в летопись династии учителей Раменских. Последнюю запись сделал отец Антонина Аркадьевича совсем недавно.

— Мой отец — это шестое поколение, а я седьмой, — подвел итог мой собеседник. — А чтобы понять все до конца, прочтите предпоследнюю запись моего деда, Алексея Пахомовича Раменского.

С трудом разбираю выцветшие чернила. Вот о чем там сказано. Алексей Пахомович работал инспектором в Симбирском уезде, а после смерти Ильи Николаевича Ульянова, которого он называет своим другом, работал директором народных училищ Симбирской губернии.

— Наши семьи были дружны, — сказал Раменский. — А эту брошюру дал моему дяде, видимо, сам Владимир Ильич.

Вот и вся история одного подарка партийному съезду. Подарка, прошедшего сквозь время, огонь и войну.

О. КУПРИН

К. Я. Маслий разговаривает по телефону из Кремлевского Дворца со своей бригадой на Уралмашзаводе.

Каждый уралмашевец хочет передать слово привета своему посланцу на XXII съезде. Слева направо: С. Кинев, Е. Родионов, А. Фомичев и А. Менгалеева.

Фото И. Тюфякова.

—АЛЛО! ГОВОРИТ КРЕМЛЕВСКИЙ ДВОРЕЦ СЪЕЗДОВ!

— Аркадий Васильевич, Евлампий Иванович, к телефону, быстренько! — еще с лестницы, перекрывая гул станков, взволнованно кричала комплектовщица Шура Менгалеева. А подбежав поближе, выдохнула: — Из самого Кремлевского Дворца Константин Яковлевич звонит!

Уже через минуту, вытерев руки паклей, зуборез Евлампий Родионов громко говорил в трубку:

— Алло! Неужто ты, Костя, прямо из Дворца съездов? Здорово! Слушаю тебя и словно сам на нашем партийном съезде присутствую. Успехи, спрашиваешь? Хорошие. Да разве может быть иначе в эти дни! Что делаем? Детали к новому экскаватору; говорят, для Северного Вьетнама предназначаются. Так что увидишь товарища Хо Ши Мина, передай: для себя хорошо делаем, а для друзей еще больше постараемся.

О съезде скажи. Тут товарищи из цеха набежали, все хотят поговорить с тобой, все интересуются, как Никита Сергеевич выглядит, не устал ли он. Великолепно, говоришь, выглядит. Очень рады. Большой ему привет от всей нашей бригады, от всех уралмашевцев.

Телефонный разговор идет между знатным зуборезом Уралмашзавода делегатом XXII съезда КПСС К. Я. Маслием и членами его коммунистической бригады. В № 36 «Огонька» уже сообщалось, что еще в начале августа бригада К. Маслия перешагнула рубежи семилетки и дает продукцию в счет 1966 года. Это было около трех месяцев тому назад. Тогда же бригада обязалась завершить еще шесть месячных норм ко дню открытия съезда. И вот только что подсчитаны итоги, о которых радостно сообщает в Кремлевский Дворец зуборез Аркадий Фомичев.

— Не шесть, а десять месячных норм дали за два месяца,— говорит он своему делегату.— Теперь уже в 67-й год шагнули... Словом, ведем курс на коммунизм! Когда вернешься, вся наша смена экскаваторного цеха будет коммунистической.

Разговор заканчивается. Зуборезы расспрашивают своего товарища о Дворце съездов, просят К. Я. Маслия передать горячий привет Герману Титову, чье имя носит бригада.

В обеденный перерыв к участку, где работает бригада делегата XXII съезда К. Маслия, целое паломничество. Каждый хочет услышать свежие новости из Москвы, из Кремлевского Дворца съездов, к которому в эти дни приковано внимание всего мира.

А. ГРИГОРЬЕВ

Свердловск.

История одного букета

Здесь, у подножия Мавзолея, всегда цветы. Их приносят разные люди — рабочие и руководители государств, мальчишки в пионерских галстуках и седые ветераны пролетарского движения. О каждом букете можно, вероятно, рассказать свою историю. Мы расскажем одну...

В толстой пачке писем, которую почтальон каждый день доставляет в американскую редакцию Московского радио, однажды оказалось письмо из Миннеаполиса, штат Миннесота. Три странички, густо исписанные размашистыми буквами.

В письме говорилось:

«Дорогой сэр и рабочие Советского Союза!

Если бог существует, то это он создал СССР для всего мира. У нас, в США, сейчас депрессия. Длинные очереди безработных стоят за тарелкой супа. Есть люди, которым приходится спать в товарных вагонах на железной дороге. Я могу сказать, что в США капиталисты делают все, чтобы урезать жалованье.

Рабочим здесь приходится плохо. Когда нанимают рабочего, то начинают выяснять его взгляды. Если рабочий не за капитализм, его увольняют. Это общество прогнило. Если бы я был молодым, я поехал бы в СССР, но мне уже 62 года.

Положите, пожалуйста, розы на могилу В. И. Ленина. Я маленький человек, я не знаю, как тут нужно сказать.

Здесь 5 долларов на розы для него.

Ваш Уильям Супер, рабочий».

Так появился возле Мавзолея букет, который вы видите на снимке. Один букет из многих. Очень многих...

Г. ГУРКОВ

Фото Н. Агеева.

ГВАРДЕЕЦ ПАРТИИ

К 75-летию со дня рождения

Г. К. Орджоникидзе

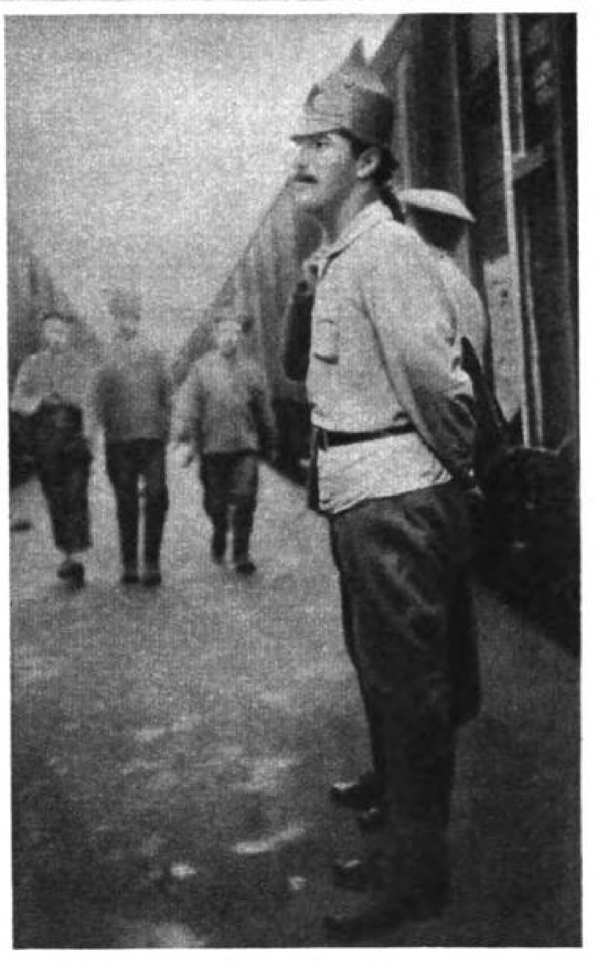
Его имени мы не найдем в списках делегатов XXII съезда партии. Но съезд проходит в такой обстановке, решает такие вопросы, что, кажется, будто на нем присутствует старая партийная гвардия — Серго Орджоникидзе, Куйбышев, Киров, Дзержинский...

В новой Программе КПСС записано: «Определяя основные задачи строительства коммунистического общества, партия руководствуется гениальной формулой В. И. Ленина: «Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны».

Огромное внимание уделял электрификации Серго Орджоникидзе. Сегодня впервые публикуются некоторые из документов Серго.

В феврале 1936 года Г. К. Орджоникидзе выступал на совещании строителей гидроэлектростанций в Наркомтяжпроме. В центре внимания два вопроса: темпы строительства и его стоимость. Серго говорил, что огромнейшая страна построена «как нигде в мире за такой короткий срок. А вот теперь возьмите и сравните наших людей и людей того времени — и инженеров, и техников, и рабочих. Никакого сравнения быть не может. Вместе с Магниткой и Днепрогэсом выросли и наши люди. Они тоже стали Днепрогэсами и Магнитками в полном смысле слова. Сейчас мы можем строить гораздо лучше...».

Работая председателем ВСНХ СССР, наркомом тяжелой промышленности, Серго руководил возведением гигантских комбинатов, которые составили основу нашей промышленной мощи. Но никогда цифры плана не заслоняли от Серго главного — заботы о людях.

Г. К. Орджоникидзе в годы гражданской войны.

Редкое фото.

Серго приехал к московским автозаводцам вместе с Н. С. Хрущевым, «рулевым московских большевиков», как его назвали на заводе. Григорий Константинович и Никита Сергеевич участвовали в собрании, посвященном 10-летию работы И. А. Лихачева директором предприятия. Г. К. Орджоникидзе в своем выступлении говорил о пути, пройденном «Ваней Лихачевым, который прекрасно ведет свое дело, который сумел из простого шофера превратиться в крупнейшего директора крупнейшего завода».

Серго говорил также о пути, пройденном страной, о том, как начинала партия строить новую жизнь, получив в наследство «порабощенную Россию и ее окраины. Не союзные республики, а окраины — с низкой культурой, с низкой техникой...». Орджоникидзе подчеркивает в своей речи значение кадров:

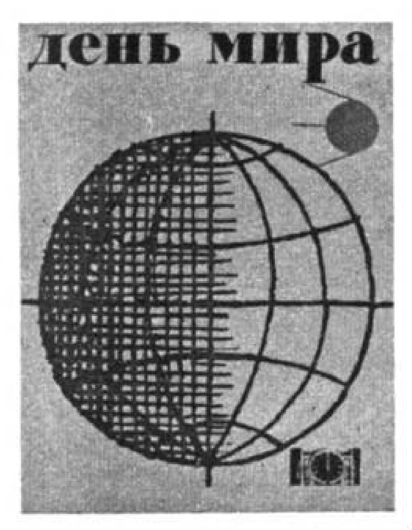
«Я как-то недавно говорил, что мы разбаловались и ничему не удивляемся. Если тов. Лихачев — директор огромного завода, завода, которому во всей Европе нет равного, то это говорит о том, что произошло в нашей стране под руководством нашей партии, ее величайшего создателя товарища Ленина, говорит о том, что человечество может ждать, когда красное знамя победы социализма будет не только на одной шестой части земного шара, а на всех шести шестых частях земного шара.

В нашей стране мы сильны и богаты тем, что Лихачевых имеем не одного, а десятки и сотни тысяч. Они ведут хозяйственный корабль страны. Мы привыкли — программу годовую выполнили — отрапортовали; пятилетку в четыре года выполнили — отрапортовали. И все у нас идет так. А откуда, каким образом? Именно оттого, что у нас выросли такие кадры, как тов. Лихачев и его большой славный коллектив автозавода...»

Серго заканчивает свою речь так: «...И я глубоко убежден, что наша страна с ее 170-миллионным населением, с ее колхозниками, рабочими, с ее трудовой интеллигенцией, любую крепость, какая бы ни стала на пути нашего продвижения вперед, безусловно, возьмет. Если даже встанет перед нами крепость фашистской Германии, или фашистской Японии, или какого-либо другого государства — и эту крепость, без всякого сомнения, возьмет наша страна».

18 февраля 1937 года жизнь Серго Орджоникидзе оборвалась. Но коммунист несокрушимой воли Григорий Константинович Орджоникидзе примером своей жизни, верностью ленинским принципам и сегодня помогает нам в нашей борьбе.

Ф. МЕЖЛАУК

В зеркале дня

Лев НИКУЛИН

В осемьсот страниц большого формата, тысячи фотоснимков, карты, диаграммы, десятки тысяч характерных фактов, бытовых эпизодов, события мирового значения и случаи обыденной, будничной жизни — и все это отражает один день мира, 27 сентября 1960 года. Как в огромной мозаичной картине любой цветной камешек смальты необходим для общего впечатления, так один день мира дает представление о времени, о том, что происходит в начале шестидесятых годов двадцатого века на нашей планете.

Четверть века назад Горький, чей светлый разум и творческая энергия были безграничны, подал мысль о создании книги, в которой был бы описан самый обычный день мира,— «дать обыкновенный, будничный день со всей безумной, фантастической пестротой его явлений...».

Такая книга была создана. В ней отражен день 27 сентября 1935 года. Обращаясь к книге, вышедшей в свет четверть века назад, мы видим мир накануне второй мировой войны.

Первая книга «День мира» сделала свое дело. Прежде всего она доказала, что такая книга может быть создана. И вот перед нами вторая, вновь созданная летопись одного дня, 27 сентября 1960 года. Перелистывая ее, видишь не только отражение одного дня, но итоги четверти века. И как поразительны, как поучительны эти итоги!

Трудно писать по первому впечатлению. «День мира» следует читать со вкусом, перечитывать и размышлять над страницами, но все-таки даже первое впечатление дает представление о большом труде создателей книги. Она открывается главным событием дня: советская делегация во главе с Н. С. Хрущевым с американского берега «передает горячий привет нашему великому народу и заверяет его, что сделает все для того, чтобы выполнить высокое народное поручение в борьбе за мирные дни на земле».

Мы открываем красочную вкладку. На ней изображены флаги новых, возникших на земле государств. Мы видим две политические карты мира — 1935 и 1960 годов. Какие перемены за четверть века!

Что происходило 27 сентября 1960 года на необъятных просторах нашей Родины? Если рассказать подробно об одном дне страны, это заняло бы не один раздел книги, а тома, поэтому надо было отобрать самое важное, характерное, и вот оно: Москва, Красная площадь, сердце Родины, строительство величайшей гидростанции в Братске, атомоход «Ленин» в Арктике, рассказ о том, как провел день 27 сентября космонавт Юрий Гагарин, поразительные успехи наших строителей, каждую минуту — семь новых квартир, достижения передовых рабочих и колхозников, чудо Целинного края...

Мы открываем раздел, посвященный социалистическим странам. Недаром пролилась кровь в битвах за свободу Китая: мы видим, чего достиг Китай, воодушевленный идеями коммунизма. Мы видим разительный контраст между Северной, демократической Кореей и Южной, еще скованной цепями империалистов-захватчиков. Порадовавшись успехам Монгольской Народной Республики, мы устремляем взор на социалистический Запад. Германская Демократическая Республика. Писатель Вернер Эггерат день 27 сентября 1935 года провел в гитлеровском застенке. Товарищу Эггерату, одному из тех, кто испытал на себе жестокость и зверства нацистов, особенно дороги те перемены, которые произошли в новой Германии. И рядом с этим — какой резкий контраст! — Западный Берлин, этот «осколок войны» в теле Европы.

Раздел, посвященный капиталистическому Западу, открывают скандинавские страны. Швеция полтора столетия не знала войны; казалось, это не знающая тревог, благоденствующая страна. Но невольно обращаешь внимание на оригинальный план Стокгольма: на нем отмечены не новые строительные объекты, а преступления, совершенные в разных районах города, тут же тревожная заметка о росте бандитизма.

Так капиталистический Запад со всеми его контрастами, как в зеркале, отражен в хронике одного дня: лорд Бойд в своем дворце располагает 17 спальнями, герцог Инфантадо во франкистской Испании владеет 11 тысячами гектаров земли. Это в стране, где ужасающая нищета и безработица побили в своем роде рекорд. От карликовых республик вроде Андорры и Сан-Марино до капиталистических левиафанов США и Англии — всюду мы видим убедительные факты, свидетельствующие о том, что капиталистический строй безнадежно болен и нет таких средств, которые вернули бы ему прежнюю мощь. Старый мир со всеми его язвами и бедствиями и новый, пробуждающийся мир — героическая Куба, ее друзья в Латинской Америке, сражающийся за независимость Алжир, Конго и национальный герой Патрис Лумумба, чье имя стало знаменем освобождающейся Африки,— все это запечатлено в одном дне.

Есть в книге многое другое: черты быта и реактивные воздушные лайнеры, моды 1960 года и автомобили, спорт и, разумеется, на почетном месте достижения науки, раздумья над судьбами молодежи, искусство и литература; ее представляют в своих произведениях известные писатели мира: Луи Арагон, Казимеж Брандыс, Генрих Бёлль, Вилли Бредель, Грэхем Грин, Альберто Моравиа, Жоржи Амаду, Пабло Неруда, Эрскин Колдуэлл, Франсуаза Саган, Джон Стейнбек, затем стихи индонезийских поэтов и японская поэзия... Трудно перечислить или даже просто назвать то, что есть в книге, еще труднее сказать, что в ней упущено. Львиную долю труда над книгой взяли на себя наши журналисты. Думаю, что взыскательный и справедливый Алексей Максимович Горький, если бы дожил до этого дня, от души порадовался бы плодотворной работе над второй книгой «День мира», которая вышла в свет накануне исторических дней XXII съезда партии.

Эта книга будет жить не одно десятилетие, потому что в ней не один прожитый день, 27 сентября. Она отражает наш век, нашу эпоху, весь мир — старый, уходящий в прошлое, и новый — мир созидания, мир строителей коммунизма.

«День мира». Книгу редактировала редакционная коллегия газеты «Известия». Главный редактор книги А. Аджубей. Руководитель редакции книги Ю. Филонович. Ответственный секретарь редакции С. Гарбузов. Ответственный за издание Л. Грачев. Художники: Э. Аронов, Ф. Збарский, М. Клячко, Ю. Красный, В. Левинсон, Л. Подольский, В. Селиванов (главный художник). Цветные карты С. Пожарского. Издательство «Известия». Москва. 1961. 800 стр.

Н. Осенев. ИНДУСТРИАЛЬНАЯ СИМФОНИЯ.

ИЗ ПРОИЗВЕДЕНИЙ, ПРЕДСТАВЛЕННЫХ НА ВСЕСОЮЗНУЮ ХУДОЖЕСТВЕННУЮ ВЫСТАВКУ 1961 ГОДА.

И. Симонов. В ЦЕХОВОЙ ЛАБОРАТОРИИ.

Л. Фаттахов. УТРО СЕКРЕТАРЯ РАЙКОМА.

Стефан ГЕЙМ

Облик грядущего

Проект новой Программы Коммунистической партии Советского Союза я читал в Берлине, в нескольких сотнях шагов от прочных заграждений, отделяющих сейчас восточную часть города от западной. И невольно мне представилась вся сложность и противоречивость нашей эпохи.

Вот у меня в руках проект будущего, столь же смелый и вдохновляющий, как знаменитые слова Ленина, сказанные 7 ноября 1917 года: «В России мы сейчас должны заняться постройкой пролетарского социалистического государства». И в то же время я ощущаю, что мир сегодня охвачен тревогой и напряжением, что на нас глядят страшные очертания ядерной бомбы. С одной стороны, дорога в жизнь, прекрасная, как мечта поэта; с другой — вооруженная до зубов алчность, постоянная готовность вцепиться в глотку ближнему. Здесь — мир Человека-творца, приумножающего свою мудрость и мощь по мере того, как он подчиняет себе силы природы; и рядом — получеловек, среди блеска умнейших машин и товаров в сверкающей упаковке хмуро думающий об одном: как бы только выжить.

Едва ли это — простое совпадение, что трасса в коммунистическое будущее прокладывается в дни, когда над человечеством нависла огромная угроза. Переход к коммунизму невозможен без мощной техники и гигантских ресурсов энергии, способных дать полное изобилие; но та же техника, те же ресурсы энергии породили кошмар наших дней — разрушительное ядерное оружие. Переход к коммунизму стал возможным лишь после того, как Советский Союз и вся социалистическая треть мира накопили необходимую экономическую мощь. Но именно потому, что век коммунизма уже не за горами, капитализм в своем страхе и злобе становится особо ядовитым и опасным. Надежда и страх, жизнь и уничтожение переплелись в историческом единоборстве — действует диалектика истории.

Но уже начинает брать верх на нашей планете уверенность в победе жизни над смертью, мира над войной, будущего над прошлым.

Кто же, однако, эти люди, которые в беспокойный 1961 год обсуждают планы на 1980 год и дальше, проблемы начала нового, следующего тысячелетия? Кто они? Просто оптимисты? Или мечтатели?

История не однажды подтверждала, что учение марксизма-ленинизма содержит в себе ключ к будущему. Сторонники этого учения выстояли и победили тогда, когда они были одни, отрезаны интервенцией от остального мира, на сравнительно небольшой территории вокруг Москвы и Ленинграда. Они выстояли и победили в пылающих развалинах Сталинграда. Как же им не победить сейчас, когда они шагают плечом к плечу с третьей частью человечества?

Суть в том, что мечты коммунистов всегда были в согласии с реальностью. Поэтому не только возможно, но и необходимо, и именно теперь, в это тяжелое, раздираемое спорами время, разрабатывать план грядущего века разума. Более того, само это планирование есть источник силы и уверенности.

Программа возвещает обеспокоенному человечеству: мы будем жить!

* * *

И мы будем жить по-иному, лучше.

Это касается не только материальных сторон человеческого существования — пищи, одежды, жилища, транспорта — и не только вопросов труда: рабочего времени, трудовых норм, условий работы. Самое примечательное в том, что коммунисты, которых так часто обвиняли в «грубом материализме», ставят в своей Программе расцвет духовных ценностей рядом с материальным изобилием, интеллектуальный рост человека — рядом с техническим прогрессом, моральную красоту людей — рядом с экономической целесообразностью. И встает перед нами уже видимый в главных своих чертах «новый человек, гармонически сочетающий в себе духовное богатство, моральную чистоту и физическое совершенство».

Я не думаю, что этот новый человек будет похож на те стерилизованные, сияющие, розовые существа, которые известны нам из фантастических романов. Не будет также человек коммунизма стандартно мыслящим, вымуштрованным, затерявшимся среди миллионов ему подобных, как это представляют некоторые западные публицисты. Напротив, новые источники энергии, новая техника и новый, коммунистический характер труда — все это будет способствовать величайшему разнообразию человеческих индивидуальностей, люди станут более содержательными и яркими; и сама жизнь будет толкать каждого к совершенствованию, как никогда раньше. Я завидую романисту того периода: ему придется иметь дело с людьми, для которых деньги не будут иметь никакого значения; положение в обществе станет определяться не доходами и властью, а мерой участия в общем благе; духовное развитие этих людей будет совершенно свободно от суеверий, предрассудков и плохих привычек настоящего. Будущий писатель сможет исследовать и изображать совершенно новые жизненные конфликты, характер и глубину которых мы сейчас не можем себе полностью представить.

Разумеется, было бы глупо недооценивать перемены именно в материальных условиях существования людей. Еще предстоит немалый путь от социалистического принципа «каждому по его труду» к постулату высшей ступени коммунизма — «каждому по его потребности». Но уже прочно вошло в текст Программы понятие «морального стимула», а это говорит о дальновидности ее авторов. Утопии великих мечтателей и пророков облекутся в плоть и кровь. Исторически уже «рукой подать» до того времени, когда человек будет трудиться не только, чтобы есть, но для того, чтобы удовлетворять свою творческую потребность в труде.

* * *

Величие и смелость Программы видятся мне и в том, что она возвещает строительство сверкающего Завтра силами сегодняшних людей, многие свойства которых еще коренятся во вчерашнем дне. Какое доверие к способности людей изменять свою собственную природу! Какая уверенность в том, что, изменяя мир, че-

XXII СЪЕЗД КПСС

Руководитель делегации Социалистической единой партии Германии первый секретарь ЦК СЕПГ Вальтер Ульбрихт беседует с делегатами XXII съезда КПСС.

ловек изменяет и самого себя! Какое мужество — всегда быть первым на неизведанных дорогах, всегда освещать путь тем, кто идет позади!

В великом историческом движении не может не быть задержек и срывов. Конечно, легко стоять в сторонке и критиковать: вот это они делают не так, а то у них выходит криво, а там они споткнулись. Такое кликушество тем более глупо, что сами «критики» не только не протянули ни разу руку помощи разведчикам и первооткрывателям будущего, но, наоборот, швыряли им под ноги камни и палки, а то и бомбы!..

Я читаю разделы Программы, проникнутые заботой о дальнейшем развитии социалистической демократии, ее новых форм, все более богатых и разнообразных по мере приближения к коммунизму. Буржуазии понадобились столетия, чтобы выработать формы своей буржуазной «демократии», которую она сама растаптывает ногами, как только почувствует угрозу своему господству. Расцвет социалистической демократии происходит в короткие исторические сроки вместе с властью пролетариата. Основные черты этого подлинного народовластия проступили уже в дни Октября 1917 года, они становились все четче и яснее, несмотря на беснование контрреволюции, голод и испытания гражданской войны. Сегодня Программа КПСС твердым резцом высекает эти черты, отмечая и новые, способствующие все большему участию миллионов граждан в общественных делах.

В Программе создание материальной базы коммунизма и расцвет социалистической демократии даны как взаимно связанные стороны одного процесса. Это естественно. Можно ли достигнуть гигантской производительности труда в коммунистическом обществе, установить коммунистический принцип распределения общественного продукта, воспитать нового человека без того, чтобы покончить с бюрократическими пережитками в государственном аппарате? Одно здесь исключает другое. Вступление человечества в новую эру коммунизма означает одновременно такое углубление социалистической демократии, при котором, как сказано в Программе, обеспечивается «активное участие всех граждан в управлении государством».

Человеку коммунизма будут созданы все условия для этого. У него будет время, сбереженное беспредельным развитием техники и сокращением рабочего дня, у него будет живой и неугасающий интерес к общественной деятельности и нужное чувство ответственности.

* * *

Есть в Программе строки, изложенные, так сказать, языком жизненной «прозы», но когда читаешь их, захватывает дыхание от «фантастической» дерзости замысла.

Утопия?

История знает много документов, рисующих царство благословенной утопии, то есть нечто недостижимое, но морально возвышающее человека. Но новая Программа Коммунистической партии Советского Союза ни в каком смысле не утопия.

Кто ее авторы? Те самые русские большевики, которые на заре века шли «тесной кучкой по обрывистому и трудному пути» и доказали, что они делают то, что думают, и пишут в программах то, что способны сделать.

Какие идеи изложены в Программе? Они все подкреплены фактами, железной логикой истории. Что могут сказать «скептики» о предсказываемом в Программе беспримерном расцвете экономики, если всему миру известно, с чего **начинали** русские в 1917-м, а потом опять начинали в 1945-м?

В Программе содержится одна оговорка. Мы читаем: «Осложнение международной обстановки и вызываемое этим необходимое увеличение затрат на оборону может задержать реализацию планов подъема благосостояния народа». В чем смысл этого прямого, сурового и честного заявления? Это призыв, обращенный к разуму народов, это — непререкаемое доказательство того, что советскому народу необходим мир и что он будет бороться за мир со всей страстью и настойчивостью. Вот где корень политики мирного сосуществования, снова и снова провозглашаемой советскими государственными руководителями.

Да они и не нуждаются в войне, чтобы расширять свою революцию и распространять ее идеи. Программа говорит открыто: «Хотя обе мировые войны, развязанные империалистами, завершились социалистическими революциями, однако революции вполне возможны без войн».

Это весомые и честные слова. За ними нет никакой задней мысли. Пусть бы политики и ученые капиталистического мира собрались и написали **свою**, рассчитанную на долгие исторические сроки программу того, как они собираются служить человечеству и двигать его вперед. Можно было бы сделать в высшей степени поучительное сопоставление. Но такой программы у империалистов нет, да и едва ли они способны ее создать. Вот почему человечество чем дальше, тем больше будет верить словам единственной и подлинной Программы человеческого счастья: «Не путем войны с другими странами, а примером более совершенной организации общества, расцветом производительных сил, созданием всех условий для счастья и благополучия человека идеи коммунизма завоевывают умы и сердца народных масс».

* * *

Среди мифов древней библии есть сказание о том, как на виду у обетованной земли ханаанской бог изрекает Моисею: «Вот земля, которую я поклялся дать Аврааму, Исааку и Якову и их потомству; я повелел тебе узреть ее твоими глазами, но тебе не дано вступить в нее».

Прошли времена, когда человек мог только вообразить себе обетованную землю, но не имел надежды ступить на нее. Это для нас, живущих во второй половине двадцатого века, написаны слова Программы, такие звучные и уверенные:

«Партия торжественно провозглашает: нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!»

Владимир Яковлевич Первицкий.

В штате Айова вряд ли забыли сентябрьский день 1959 года: тогда на ферму к Россуэллу Гарсту приехал Никита Сергеевич Хрущев.

Слава американского кукурузовода давно уже облетела мир. Вполне заслуженная слава. Судите сами: на производство одного бушеля кукурузы в США тратят семь минут, а на ферме Гарста на это уходит всего две минуты. И кукуруза у него отборная, зерно к зерну. Богатый собственный опыт и пристальное внимание к достижениям сельскохозяйственной науки — вот в чем секрет успехов Гарста. Своим опытом он делился весьма щедро. И у нас в Союзе тоже вышла его брошюра «Кукуруза — надежный источник изобилия». А вот обогнать Гарста было нелегко.

Тогда, в 1959-м, Никита Сергеевич очень одобрительно отозвался о хозяйстве Гарста, своего доброго знакомого, а под конец беседы между прочим заметил:

— Вы, американцы, умные люди. Это факт. Но что господь бог вам помогает — это тоже факт.

— Бог на нашей стороне, — улыбнулся знаменитый фермер.

И Никита Сергеевич тут же ответил:

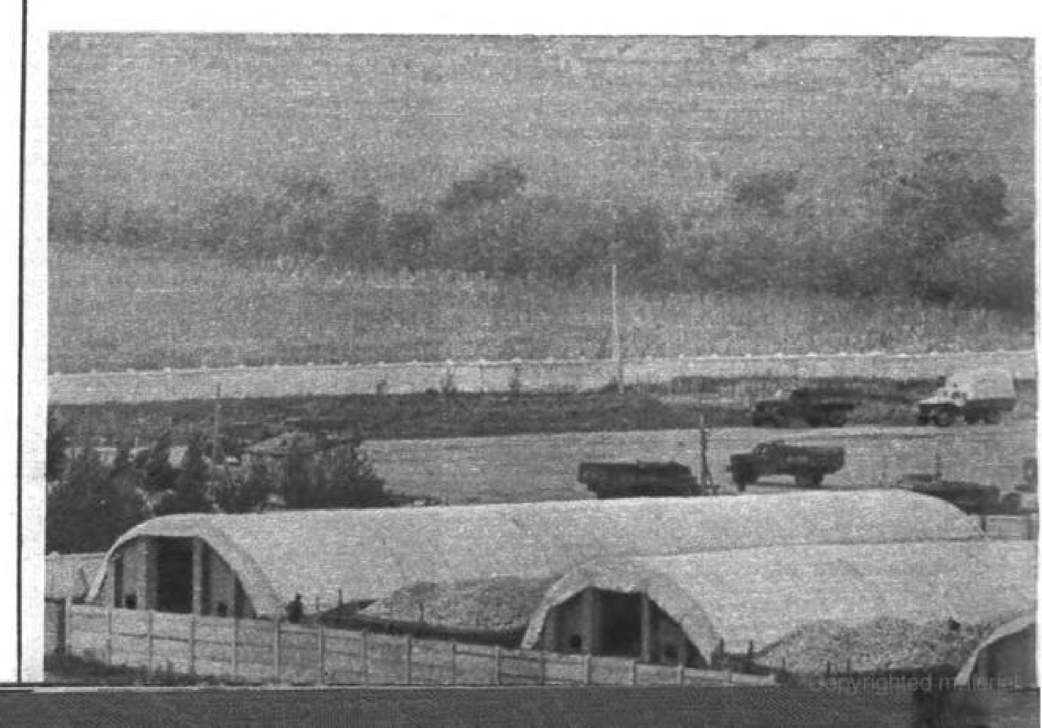
— Вы что же думаете, что господь только вам помогает? Нет, он и нам не отказывает в поддержке. Советская страна по приросту продукции идет впереди США. Словом, господь помогает умным.

Американцы, собравшиеся на ферме, дружно поаплодировали острому ответу высокого советского гостя. Они поняли, что означают его слова: русские не собираются уступать первенства по кукурузе фермеру из Айовы. Но вряд ли тогда в Америке знали, что спор через океан уже начался. Хороший, деловой спор о кукурузе.

Откроем, чем окончился этот спор.

Этим летом в конце июля Никита Сергеевич побывал на полях Кубани. Заехал и под Армавир, в Кубанский научно-исследовательский институт испытания тракторов и сельскохозяйственных машин. Здесь он осмотрел поле, которое возделывает механизированное звено В. Я. Первицкого. Поле это размахнулось на 605 гектаров: 560 — под кукурузой, 45 — под подсолнечником. Побеседовал Никита Сергеевич со звеньевым. И как же он обрадовался, когда узнал, что Первицкий и его това-

Спор

В июле этого года Никита Сергеевич Хрущев осматривал поля Кубанского института испытания тракторов и сельскохозяйственных машин.

Фото В. Земцова.

через океан

На Армавирском элеваторе построены новые просторные зернохранилища для кукурузы. Сюда попадает и зерно, выращенное звеном Первицкого.

Сергей МАКАРОВ

Иду по земле

Сергею Макарову 20 лет. Его стихи — не вымученное рукоделие: они живые. Ощущение слова и на цвет и на запах, богатая образность — вот те черты, что делают стихи Сергея Макарова поэзией.

Так кажется мне. Хочется, чтобы так же показалось многим читателям, чтобы новый поэт прочно утвердился в людской памяти.

Не могу не добавить к сказанному такие немалозначащие, обнадеживающие факты.

Сергей Макаров после окончания десятилетки работал на строительстве домов. Сейчас он механик по лифтам в Кировском районе Ленинграда.

Он сын человека, отдавшего жизнь за Родину в Великой Отечественной войне. Он любит своего отца и так же любит Родину. Сила любви его читается в стихах, становясь и нашим достоянием.

Сергей Макаров мечтает окончить Литературный институт имени А. М. Горького в Москве. Хорошая мечта, она должна сбыться!

Александр РЕШЕТОВ

Я ИДУ

Я иду по неровной, нелегкой земле,
Ошибаясь, любя, повзрослев до поры,
Знаю цену ковриге ржаной на столе
И ценю на коротких привалах костры.

Если груб я порой, то бесхитростно груб,
Как бесхитростна нежность весенних цветов.
Я иду по земле, молодой солнцелюб,
Оставляющий вмятины грузных следов.

Тяжколапые ветры мне ломятся в грудь,
Подкосив буйногривье размашистых трав.
Только выбрал я свой, неисхоженный путь
И, наверное, очень по-своему прав.

Я иду, разорвав белобрысый туман,
Грозовым дождепадом не взят на испуг.
Стрелы молний насыплю спокойно в колчан,
Семислойную радугу взяв, словно лук.

Загустеет вечернего воздуха синь,
И в озерах лениво линяют лини,
И глядят пересохшие губы пустынь
На огромную прорубь дразнящей луны.

И дрожит надо мною, над крошевом рос,
Над землей, над соленой печалью морей
Много звезд, словно вдовьих проплаканных слез
Сильноруких солдаток России моей.

Я люблю тебя, Родина, русая Русь,
Восхищаюсь простыми, как правда, людьми.
Посмотри: я мужаю, расту, а не гнусь
Под великою ношей сыновней любви.

ВХОЖУ Я В ЛЕС

Войду я в лес, где тропок карусели
В пятнистых слитках вызревшей зари,
Чтоб сучья под ногами захрустели,
Как на зубах ржаные сухари.

←
Вот они, три богатыря, обогнавшие Гарста. Слева направо: И. А. Карнаух, В. Я. Первицкий, Д. Д. Галка.

рищи еще в прошлом году обогнали Гарста! Американец тратит на производство центнера кукурузы 12 человеко-минут, а кубанские механизаторы уложились в 11,4 минуты. И зерно у них очень дешево: центнер обошелся в 42 копейки в новых деньгах.

Затеяли спор через океан три советских парня. Да, в звене всего-навсего трое: Владимир Первицкий, Иван Карнаух, Даниил Галка. Но за плечами у них стоит целое научно-исследовательское учреждение — Кубанский институт испытания тракторов и сельскохозяйственных машин. Вот это и помогло звену Первицкого!

И, пожалуй, кто-нибудь скажет: «Ах, вот оно что! Легко, поди, работать, коли о тебе так пекутся. А в чем же заслуга самого звена? Где же его-то творчество? Бессонных ночей у них, небось, не было!» Были бессонные ночи. Было творчество, голова звенела от беспокойных мыслей. И был труд от зари до зари. Были неудачи и огорчения. Все было. Ленивому да несмышленому никакая опека, никакая заступа не помогут. Попробуй-ка освоить новую, непривычную машину, приладься к ее нраву, выжми из нее все, что она может дать. О звене Первицкого недаром снимали фильм под названием «Их труд — подвиг».

Секретов у Первицкого нет. Достижения звена широко показывала ВДНХ, опыт Первицкого и его товарищей распропагандирован в печати.

И успехи все растут. В нынешнем году сумели повысить производительность посевного агрегата в два раза. Словом, как говорит сам Владимир Первицкий, время считали секундами, затраты — копейками.

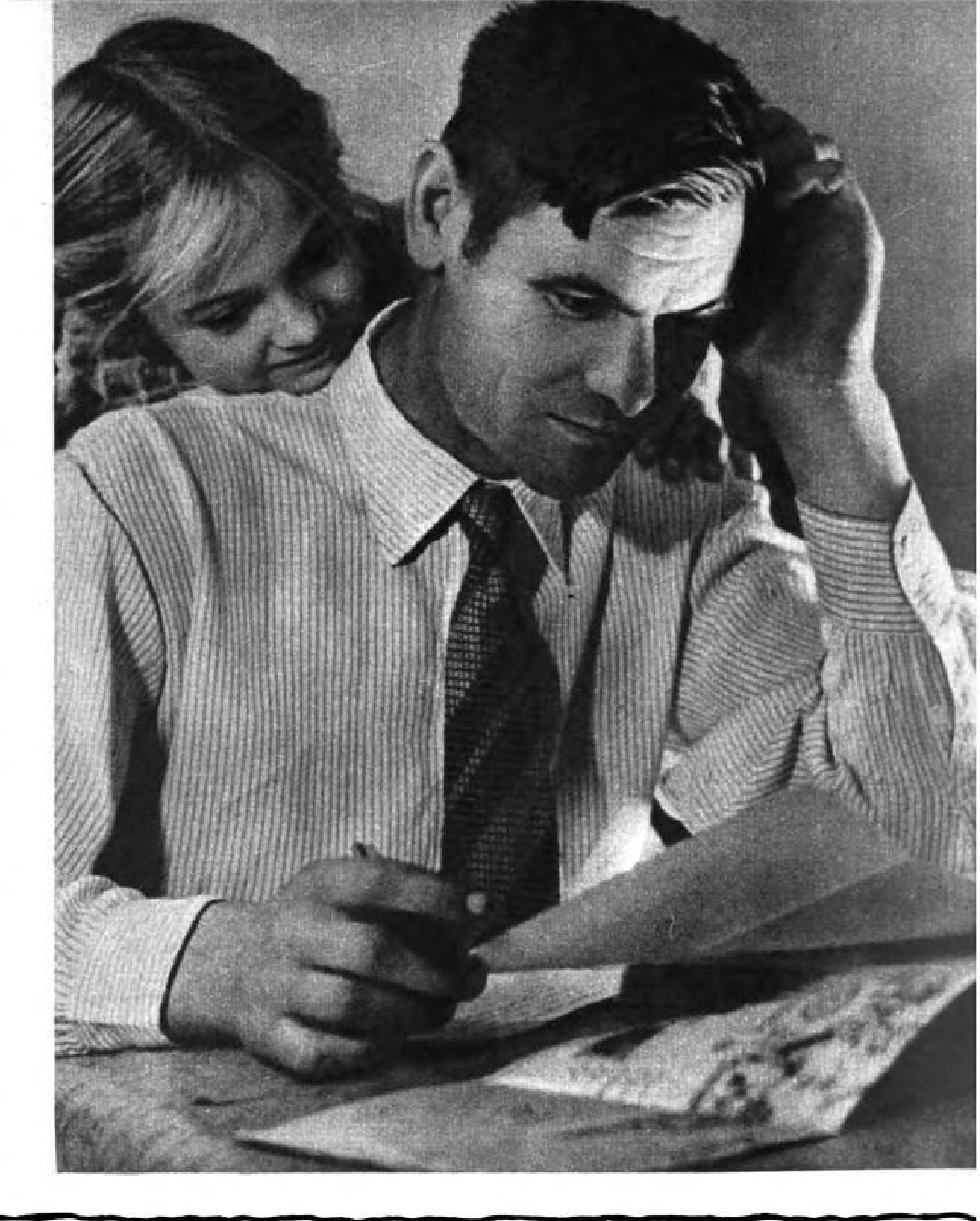
И ведь не только об успехах своего звена, даже своего института радели механизаторы. Машины помогали им, а они помогали создателям машин: выдвигали весьма серьезные претензии конструкторам. Впрочем, у нас трудно разграничить: вот тут ты думаешь о себе, вот тут — о других, а вот здесь — обо всем государстве. Сегодня Первицкий и его товарищи уже живут завтрашним, даже послезавтрашним днем.

В 1962 году звено собирается возделывать кукурузу без затрат ручного труда на 800 гектарах. А в ближайшие два-три года трое с Кубани станут обрабатывать 1 200 гектаров.

Не знаем, дошла ли до фермера из Айовы весть об успехах механизаторов с Кубани. Знает ли он, что спор через океан решен не в его пользу?

Н. ВЕРИНА

Фото Д. Ухтомского.

→
Вечером Люба, старшая дочь Владимира Яковлевича, не отходит от отца.

В лицо мне филин бросит резкий хохот,
Увижу дуб причудливый вдали:
Как будто мамонт встал на грузный хобот
И всасывает теплый сок земли.

А надо мною светом марсианским
Сверкнет луна, тяжелая, как щит,
Я подойду к могилам партизанским,
Где мой отец расстрелянный лежит.

Скажу себе: «Не плакать! Зубы стисни...»
Но все же в горле больно встанет ком...
Когда мне тяжело бывает в жизни,
Вхожу я в лес.
Мне легче с ним вдвоем.

КАМЕНОТЕСЫ

И на жаре и днями хмурыми,
Когда бесцветны в травах росы,
В немые камни бьют киюрами
Мои друзья-каменотесы.

И звуки мужественной музыки
Я слышу в гулком перестуке.
Круглятся яблоками мускулы,
Как волны в шторм, взлетают руки.

Мне руки эти стали близкими...
Ударь сплеча, сосед мой дюжий,—
Пускай под каменными брызгами
Проснутся каменные души!

ОТ НАС

На вид мы кажемся хмурыми,
Но к делу крепка любовь:
Мы сглаживаем киюрами
Морщины с каменных лбов,
Чтоб камни стали красивыми, прочными,
Укладываясь в мостовые.
И пусть их топчут рабочие,
Спешащие мастеровые,
Пусть зной раскалит
И лед, как наст,
Покроет их коркой черствой, —
Но все ж в них останется что-то от нас.
А что же от нас?
Упорство.

* * *

Приходилось видеть мне,
Как снова,
Разозлив на скулах желваки,
После неудачного улова
Молчаливо курят рыбаки.

Презирают длинные беседы...
Каждый морем навсегда пропах,
Но у них улыбки, как победы,
И морщины — чайками на лбах!

БЕСПОКОЙСТВО

Чтоб улыбка не засохла,
Не угасли голоса,
Пусть весенний ливень солнца
Населяет нам глаза.
Чтобы жили все в покое
И не знали, что такое
Горя горькая слеза!..
С беспокойством трудным снова
Я иду в размах полей.
Как придумать мне жар-слово,
Чтобы стало всем теплей?

В ДЕРЕВНЕ

В такое утро бабы должны́
До-олго сплетничать у колодца.
В июньский густой настой тишины
Солнце, как брага, льется.

Как вымя, соком наш сад нагруз,
Клубника висит соска́ми,
И пробуют ветки утро на вкус
Зелеными языками.

ДРУГ

Мой друг самый лучший, веселый,
отважный,
В пустынях не раз умиравший от жажды.
Он честный и чистый, как выпавший снег,
И целилось горе в него не однажды,
Морщинами крупными ранив навек.
Он был землекопом, он был лесорубом,
Он был и остался большим жизнелюбом.
Запомните: имя его — Человек.

* * *

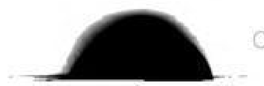
Огромен мир.
В нем взлетают птицы,
Лежат луга в опеоренье трав.
Работаю я, обветреннолицый,
Дыханье
С дыханьем земли смешав.

На стройке трудно.
В пыли, как в опилках,
Порой совсем выбиваясь из сил,
Землю,
Как раненую,
На носилках
С дюжим напарником я носил.

Сжимал скользящее древко лопаты,
И некогда пот утереть со лба.
От въевшейся пыли мы конопаты,
Но нам по нраву
Такая судьба!

ПЕРЕКРЕСТКИ

Почему люблю я перекрестки?
Там хлопочет вечно ветер хлесткий,
Да хожу встречать и провожать я,
То мне веселее, то грустней...
Перекрестки — как рукопожатья
Верных, неизменчивых друзей.

XXII СЪЕЗД КПСС

В перерыве между заседаниями съезда делегаты беседуют со знатным кукурузоводом дважды Героем Социалистического Труда, членом Президиума съезда Евгенией Алексеевной Долинюк.

Чуден Днепр...

Василь МИНКО

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО.

Специальные корреспонденты «Огонька»

О рекордах и «босых» такси

В Днепродзержинске капитан нашего «Стрежня» спокойно вздохнул: начинается озеро Ленина, а за ним — Каховское море. Плыви спокойно, не рискуя сесть на мель, хоть до самого Крыма. Может быть, поэтому, подходя к Днепропетровску, Григорий Оскирко запел песню, тихую и лирическую. А я себя чувствовал озабоченным. Впереди большой город, крупнейший, если так можно выразиться, по многим показателям. Как же мне написать о нем? Одно лишь перечисление его заводов и фабрик займет несколько страниц. Да к тому же Днепропетровск—центр богатой сельскохозяйственной области...

На пристани читаю местную газету и узнаю здешнюю сенсацию: рекорд урожайности побил колхоз «Ленінським шляхом», Перещепинского района. Каждый из 17 гектаров дал свыше 340 пудов!

Мое хлеборобское сердце забилось от радости и изумления. Эх, махнуть бы сейчас в Магдалиновку или Перещепино, на собственных ладонях подержать чудо-пшеничку, попробовать ее на зуб! Но «Стрежень», к сожалению, не ходит по суше.

Иду в редакцию.

— Расскажите, пожалуйста, что за пшеница, какой сорт?

Объясняют:

— «Безостая-1», нововыведенный сорт, который чудесно себя показывает. В некоторых колхозах этой «безостой» собрали даже по 350 пудов с гектара.

Хорошо! Здорово! Никита Сергеевич Хрущев сказал на XXII съезде партии, что он много лет прожил на Украине и что в то время воображение не поднималось до такого уровня, которого сегодня достигла Украина в производстве зерна.

— А чем таким же радостным можете похвалиться в промышленности?

Мне назвали бригады и цеха коммунистического труда: выбирай! Облюбованный мною завод находился на окраине, и я решил ехать на такси. Подхожу к одной из стоянок. Пассажиров много, а такси нет. Сажусь в троллейбус, еду на вокзал, нахожу еще одну стоянку такси. Предлинная очередь жаждущих, а такси — ни одного.

— Дикость какая! — возмущается человек, сидящий на чемодане.— Такой огромный город, а такси меньше, чем в Кобеляках.

В это время ко мне подошел юркий человечек и шепнул:

— Будете стоять здесь не менее часа.

— Почему?

— А потому, что такси «босые». Желаете — подброшу на своей.

Пока я интересовался, что такое «босые такси», нашелся более догадливый клиент. Он сунул юркому человеку рубль, сел в машину и уехал.

Таким образом я узнал, что в Днепропетровске много такси стоит, что называется, на приколе из-за нехватки «обуви» — шин. И одновременно узнал, что в Днепропетровске существует завод, производящий эти самые шины.

Какой парадокс! Быстрее на шинный завод! Но быстро уехать я не смог: очередь на такси уменьшалась очень медленно. Кроме того, я решил раньше проконсультироваться у сведущих людей. По телефону-автомату звоню к старому своему знакомому. Так и так, объясняю ему, что ты скажешь о шинном заводе? И слышу в ответ:

— Завод совсем новенький, интересный, для твоей темы — находка.

...Подъезд к шинному заводу радует глаз — молодые деревья, цветы.

Захожу в главный корпус. Какая громадина! И вдоль и вширь. Цех вулканизации. Тянутся длинные, на сотни метров, ряды автоматически действующих прессов. Над ними по движущимся транспортерам в воздухе плывут готовые шины—большие, средние, маленькие. Дальше — ряды меньших прессов. Здесь по транспортерам плывут в воздухе уже камеры для шин. И тоже большие, средние, маленькие.

Разговариваю с механиком по оборудованию Андреем Горбенко, с начальником смены комсомольцем Станиславом Хитем. Оба закончили Днепропетровский химико-технологический институт. От них узнаю, что история завода лишь начинается: пробную продукцию выпустили весною, официально начали работать 1 августа. Но вот разговор зашел о будущем:

— Через год не будет «босых». Всех «обуем»! — уверенно говорит Станислав.

Запорожцы за озером Ленина

Из необъятного Днепропетровска плывем в такое же необъятное Запорожье. А чтобы не растеряться во всей этой «необъятности», нацеливаюсь на одно из самых новых предприятий — автомобильный завод.

На другой день утром еду на завод «Коммунар». Был я на нем еще до войны, выпускал он тогда комбайны. А теперь делает легковые малолитражные автомобили с милым названием «Запорожец». Недавно я узнал из газет о добрых словах в адрес «Запорожца» в книге записей на украинской выставке в Югославии. Радостно было читать это.

Украина, веками ездившая на круторогих серых волах, теперь делает автобусы, грузовики, легковые автомобили!

В конторе заводоуправления увидел стенд. На нем красивыми буквами выведено, что в конце семилетки завод будет выпускать ежегодно 150 тысяч «Запорожцев». Очень неплохо!

Но вот иду по сборочному цеху и вижу во всю стену транспарант: «Дадим Родине в 1961 году 12 500 автомобилей». Так мало?

Захожу к главному инженеру завода Ивану Осиповичу Striкову, спрашиваю, в чем дело.

— Переживаем пусковой период,— объяснил Строков.— На этот год нам запланировано десять тысяч «Запорожцев». Надеемся, что сделаем больше. А в шестьдесят втором-третьем рванемся вперед!

...Вечером плывем дальше. Оглядываясь назад, на залитый огнями Днепрогэс, вспоминаю письмо одного итальянского металлурга, который писал запорожцам: «В Мавзолее я видел Ленина, величественного, в покое смерти. На вашей электростанции я познал его, как никогда, живым!»

На берегу Каховского моря

Посейдон Каховского моря, наверное, спал или был в дальней командировке. Начинающееся сейчас же за Запорожьем море стелилось нам под ноги гладкой скатертью, красиво расцвеченной луною и прибрежными огнями. Ночуем у пристани Беленькое, а утром, с восходом солнца, идем в большое село на высоком берегу безбрежного здесь моря. Село тоже Беленькое и по названию и по виду.

В центре села — базар. Накануне вечером ночной сторож, оберегающий что-то у пристани, рассказывал:

— Кавуны на базаре — во! Дыни тоже — во! Горы! А помидоров и всякой такой фрукты еще больше. И курей, гусей, уток, рыбы — пропасть! На возах, в клетках и так лежат жареные и вареные. Виноград и мед, абы ваши гроши...

Картина, нарисованная сторожем, мало чем отличалась от натуры. Щедра черноземная запорожская степь!

Правление колхоза имени Ильича находится вблизи базара. Заходить в правление не торопимся: кто в такую рань там будет? И вдруг слышим из открытого окна чью-то пылкую речь.

— Что там? — спрашиваю выходящего из дома паренька.

— Голова созвал животноводов. Дает прикурить за удои молока.

— Такие они низкие?

Паренек ответил почти гордо:

— Почему низкие?! У нас даже средних не бывает.

— За что же голова дает прикурить?

— А чтоб не зазнавались!

...У стоянки «Стрежня» нас ожидал сюрприз. Рыбаки местного рыболовецкого колхоза «Дніпро», возвратившись с моря со свежим уловом, перегружали рыбу на баркас. «Рыбный» материал сам, как говорится, шел в руки!

Приглашаю бригадира рыбаков Григория Дорошенко в салон нашего теплохода, угощаю арбузом в надежде услышать от него что-либо романтичное из рыбацкой жизни. Но вышло так, что бригадир засыпал меня цифрами, словно отчитывался перед общим собранием.

— Раньше, когда не было моря, в нашем колхозе состояло двадцать человек, а теперь — семьдесят. Раньше годовой план вылова рыбы был триста центнеров, а теперь — три тысячи. Выполняем его на сто сорок процентов. Раньше ловили щуку, окуня, подуста. А теперь и судачка, и чебака, и чехонь...

Выяснилось потом, что бригадир принял меня за какого-то начальника по «рыбной» линии. А начальству в первую очередь подай отчет! Узнав, кто я, Дорошенко обрадовался и ошарашил меня вопросом:

— Почему у нас такие слабые законы?

— В каком смысле?

— А вот слушайте,— продолжал он и вдруг крепко сжал свои кулаки.— Их вот как нужно держать! Это же настоящие бандиты в нашем рыбном деле. Их нужно судить самым беспощадным образом, на каторгу высылать!

— Кого «их»?

— Да этих самых рыбных бандитов, браконьеров. Они не только рыбу крадут, а и колхозные сети. И никакого на них закона!..

Это был крик души человека, искренне болеющего за свой колхоз, за народное добро.

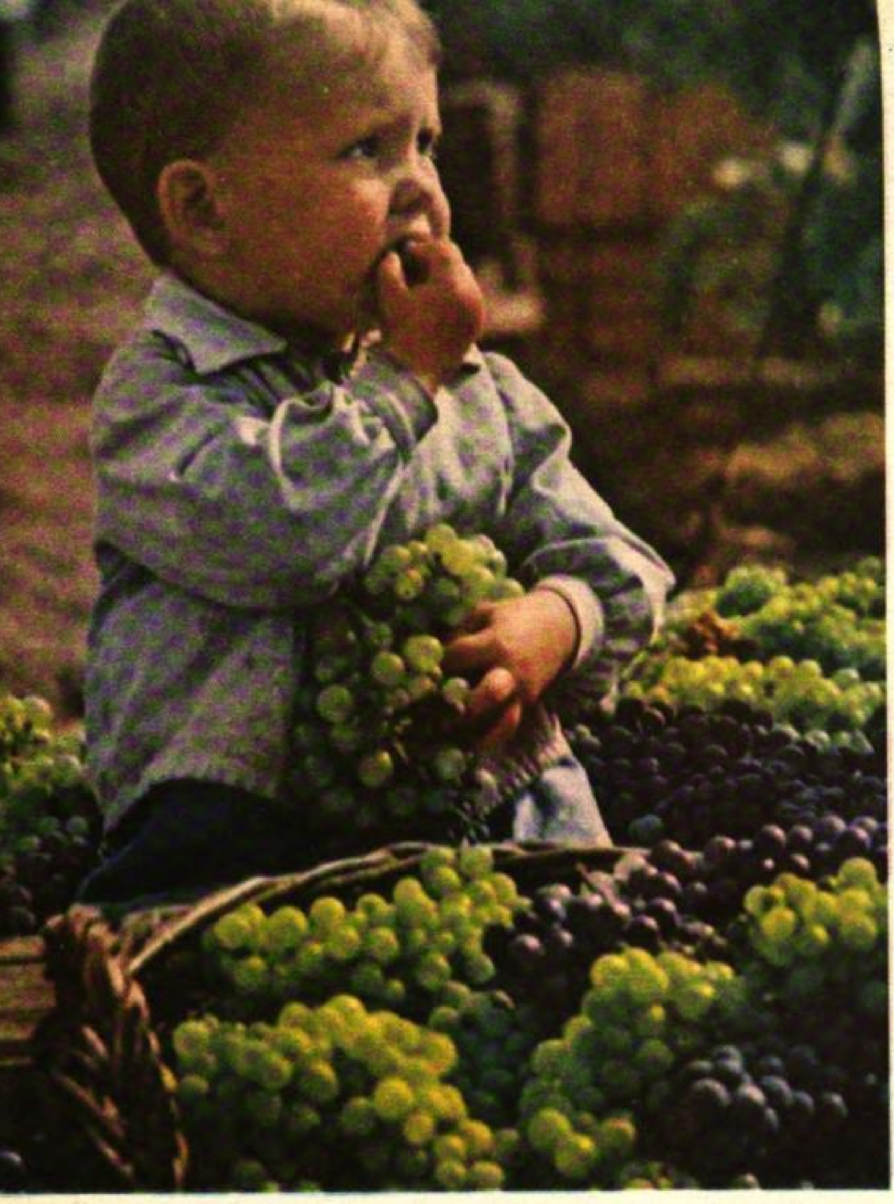
— А инспекторы по охране? А милиция? Есть же они у вас?

Дорошенко безнадежно махнул рукою: «Что за инспекторы! Беспомощные, как рыба. Говорят нам, рыбакам: ловите их, барбосов, и в район! Мы поймали, отправили в район. А через три дня смотрим: на воле они. Вновь поймали их на горячем. Напишите, что закон по охране рыбы и

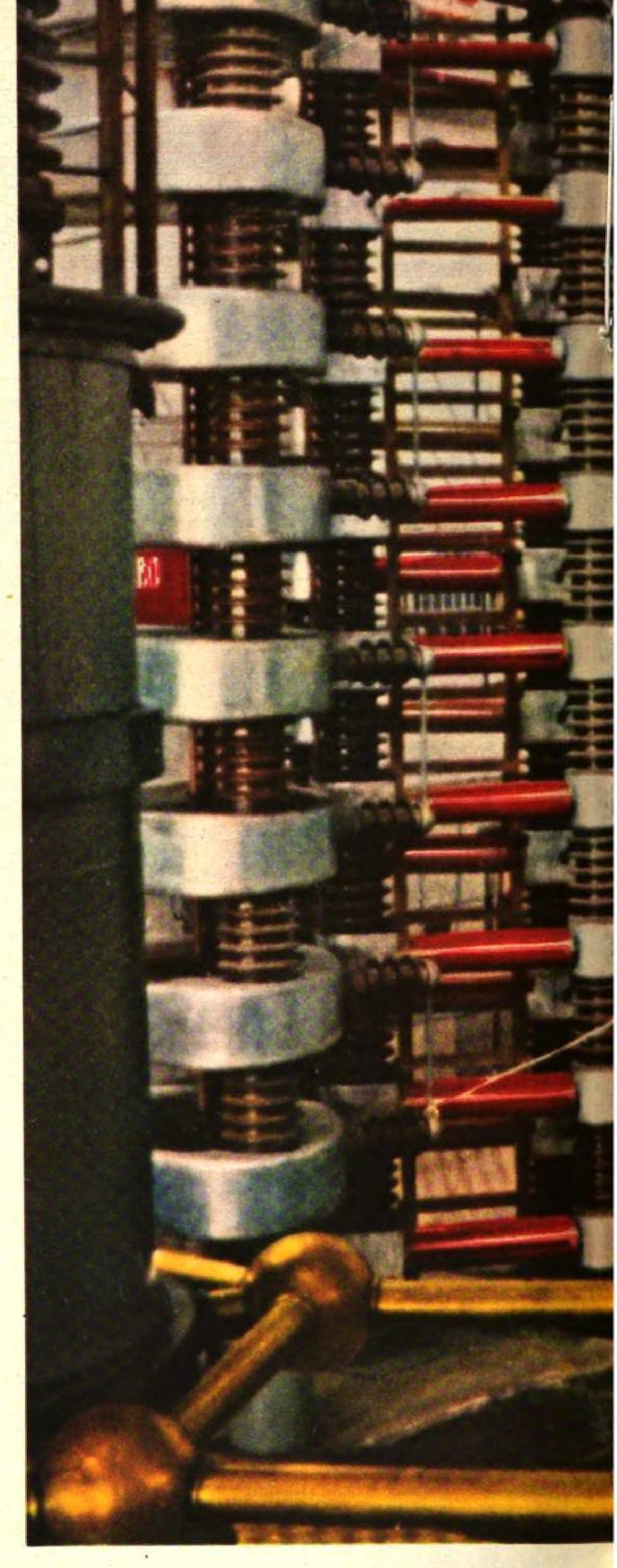
Днепродзержинский коксохимический завод — предприятие коммунистического труда. На снимке: выдача коксового пирога.

Окончание. См. «Огонек» № 43.

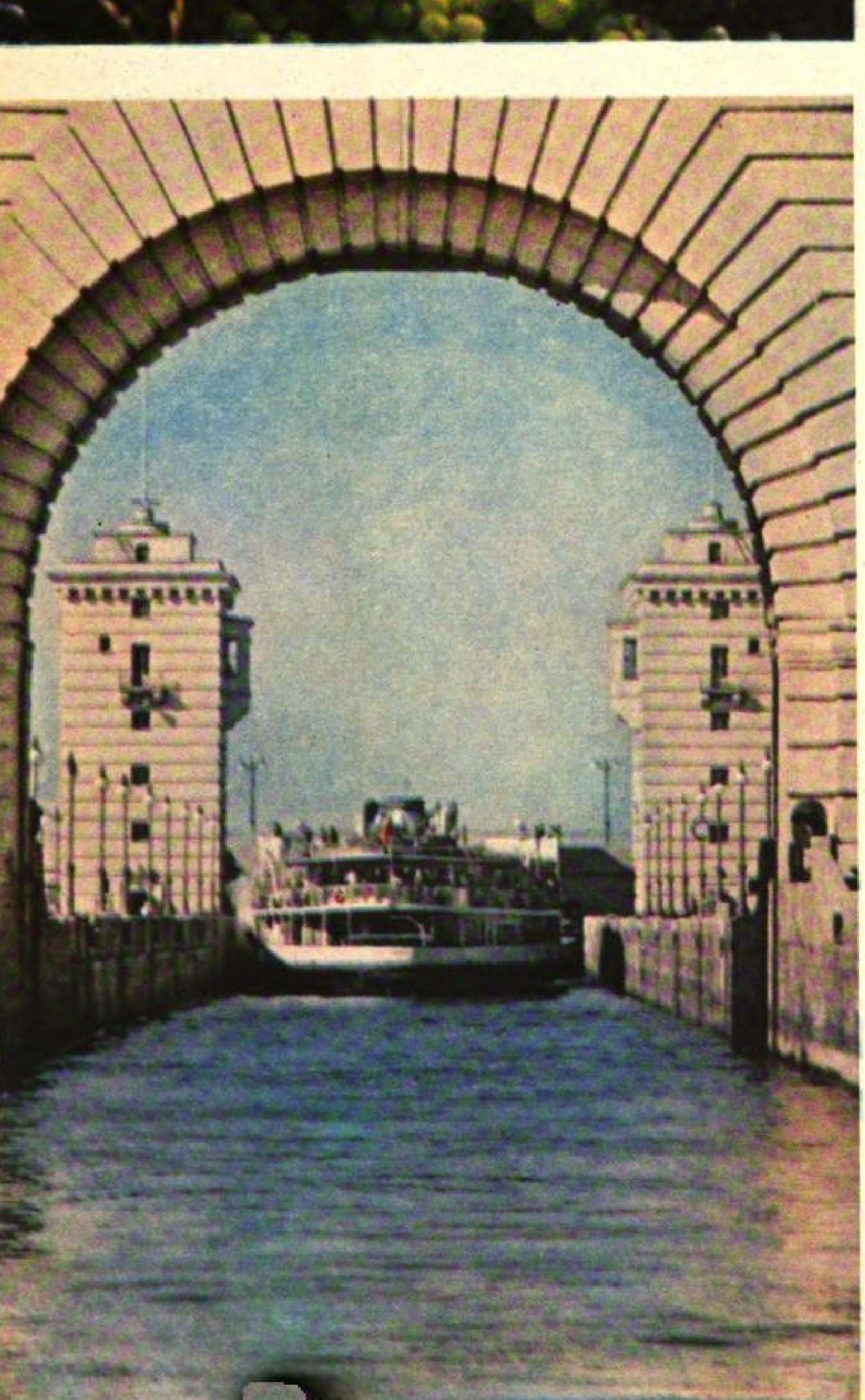

← Маленькому «дегустатору» Васе виноград пришелся по вкусу (совхоз «Таврия», Херсонской области).

→ Высоковольтная лаборатория Запорожского научно - исследовательского института трансформаторостроения и высоковольтной аппаратуры. Здесь испытывается оборудование самого высокого класса напряжения.

← Шлюз Каховской ГЭС.

Готовая продукция завода «Коммунар» — автомобили «Запорожец».

Парторг колхоза имени Ильича А. И. Билый беседует с доярками.

Проспект Ленина в Запорожье.

вообще природы слабый, беззубый. Его браконьеры не боятся.

«Порывов высоких!»

В Новую Каховку мы пришли утром. И первое, что увидели,— стройный, словно тополь, белый обелиск — памятник героям гражданской и Отечественной войн. На одной стороне высечено:

Иркутск и Варшава, Орел и Каховка —
Этапы большого пути...

А на другой:
Кто погиб за Днепр,
Будет жить в веках...

Кто был здесь в 1950 году, тот помнит: дикий берег, поросший старыми вербами, сыпучие пески, редкие мазанки.

А теперь — прелестный город. Я не знаю, скоро ли создадут в Новой Каховке музей. Но уже теперь должна существовать книга, на страницах которой нужно начертать имена создателей ГЭС и города. И на первых страницах должно быть начертано имя Александра Довженко. Он целые дни и месяцы просиживал со строителями, архитекторами, художниками, советовал, спорил, подсказывал и доказывал: «Наш город должен быть таким, чтобы в нем не стыдно было жить нашим детям и внукам!»

Я не архитектор, но мне кажется, что Новая Каховка именно тем и радует, что жить в ней будет хорошо и детям и внукам нашим. Она хороша и весною, когда на ее чистых и светлых улицах зеленеют сто тысяч декоративных и фруктовых деревьев, несколько сот тысяч декоративных и ягодных кустов, и еще краше летом, когда улицы, площади и скверы убраны цветами. Она, Новая Каховка, прекрасна даже в снег и дождь.

Хочется, прощаясь с новокаховцами, напомнить им слова Александра Довженко: «Пошли вам доля сил и порывов высоких и долгих лет жизни!»

XXII СЪЕЗД КПСС

Посланцы коммунистов Украины. Слева направо: старый большевик, член партии с 1917 года, управляющий трестом Промтехмонтаж В. Н. Федоров, председатель колхоза имени Орджоникидзе, дважды Герой Социалистического Труда Г. С. Могильченко, член партии с 1912 года, бывший секретарь Харьковского обкома партии Р. Я. Терехов и бригадир штукатуров, Герой Социалистического Труда В. Р. Бутримов.

Цветите ярче, веселки!

За Новой Каховкой начинается степь. Ее можно сравнить с огромнейшим бильярдным столом: ударь кием по шару, и он без запинки покатится по ровному полю до самого Сиваша. Ни одной речки на пути, ни одного бугорка.

Весною 22 тысячи гектаров целинной степи, оставшейся в Аскании-Нова как заповедник, покрываются буйным извечным разнотравьем. А летом целинная степь выгорает. Горит все и на возделанных полях.

На помощь степнякам теперь пришел Днепр. Собирая в водохранилищах огромнейшие запасы воды, он часть ее отдает своему приемному сыну, Краснознаменскому каналу. Начинается этот канал в 200 метрах выше Каховской плотины. Где-то на сороковом километре делает развилку и идет дальше — в Крым.

Мы едем по асфальтированной дороге, идущей параллельно с каналом, в степь. Через каждые пять — восемь километров виднеются небольшие беленькие строения — насосные станции. От них вода по распределительным и оросительным канальчикам попадает на поля. Останавливаемся в селе Черненькое. И здесь я попадаю в плен далеких воспоминаний...

Май 1929 года. Почти месяц я жил тут в коммуне имени Коминтерна. Организована она была в 1924 году в бывшем имении графа или князя Мордвинова, да простит меня история, что забыл его титул. О жизни этой коммуны я написал тогда очерк. Остались в памяти фамилии энтузиастов той коммуны: Лаубе — председатель, Павленко — секретарь партийной организации, Качуров — член правления. Оказывается, Николай Качуров и поныне работает в колхозе. Хотелось повидаться с ним, но он был где-то в степи.

Встречаюсь с его дочерью, Натальей. Тогда она была пионеркой, в тридцатых годах окончила садоводческо-огороднический техникум, а сейчас здесь бригадир. На ее огородный участок также пришла днепровская вода.

— Ну как, теперь стало веселее?

— Сами видите,— отвечает она, показав рукой на буйно-зеленую ботву, густо усеянную красными помидорами.— Не успеваем убирать.

Воде в колхозе рады, еще в коммуне о ней мечтали. Теперь никакая засуха не укусит! Но орошение — дело новое, за год его не освоишь. Нет достаточного опыта полива, не хватает дождевальных машин.

— Приезжайте к нам через годик, будет, как у соседа! — говорит на прощание Наталья.

— А кто ваш сосед?

— Винсовхоз «Таврия». Езжайте вот прямехонько.

Едем прямехонько и попадаем вскоре на дорогу, обсаженную грецкими орехами. По одну сторону дороги бегут виноградники, по другую — зеленеет поле. Еще издали видим на горизонте — не знаю, как и сказать,— облако не облако, туман не туман...

— Это действует дождевальная машина,— подсказывает шофер.

На зеленом поле растет люцерна. Рядом с оросительным канальчиком медленно двигается машина с длинными, словно крылья самолета, трубами по 55 метров в каждую сторону.

Мелиоратор Григорий Лыховид охотно рассказывает:

— Таких дождевальных машин в совхозе три. Больших. Да маленьких пять. Делаем дождь, когда нужно.

Из труб тоненькими струйками бьет вверх вода и мелким дождичком падает на землю. Хорошо! Дождь в яркий солнечный день. Идем за машиной и любуемся веселой радугой. По-украински радуга называется веселкой. А сколько таких веселок радует людей на всем протяжении Краснознаменского канала!

Вода пришла в степь! И не только люцерна, кукуруза, помидоры, капуста дают и будут давать тут обильные урожаи, но и водолюбивый рис.

Цветите же ярче, веселки, на херсонских полях, радуйте людей!

На двенадцатый день «Стрежень» прибыл в Херсон. Неужели предел? Разве Днепр за Херсоном уже не Днепр?

Было воскресенье. На заводах и в учреждениях города — выходной день. Что делать? Херсон, согласно командировке,— последний пункт нашего путешествия. Но почему последний?

— Дорогой Гриць,— обращаемся к капитану «Стрежня»,— разве Днепр за Херсоном уже иссяк?

Капитан понимающе улыбается.

— Дальше еще есть Голая Пристань.

— А что же на Голой интересного? Голая ведь...

— А там увидим...

Через пять минут «Стрежень» уже рассекал полные и широкие на понизовье Днепра воды и мчал дальше. Вскоре показалась и Голая Пристань. У причалов стояло более десятка огромных барж. На одни грузили пшеницу, на другие — знаменитые херсонские арбузы.

Ходим по чистому, опрятному селению у пристани. В тенистом садике дом. Это управление заповедника. Тут занимаются акклиматизацией в здешних днепровских плавнях диких оленей, коз, ондатры, уссурийских енотов, фазанов...

А сколько в заливчике плавает уток! Почти на целый километр в длину вода покрыта словно белой ряской. Узнаем, что это богатство принадлежит межколхозной ферме.

— Сколько же у вас этих уток?

— Еще маловато, двадцать четыре тысячи,— певучим голосом объясняет птичница.— А на следующее лето будет сто тысяч!

Славится Голая Пристань и своим замечательным курортом. Здешняя вода по своим лечебным качествам близка к мацестинской.

Вот тебе и «голая»!

Купаемся в Днепре, едим арбузы и виноград... Но пора возвращаться и в Херсон.

Не буду перечислять новых заводов и фабрик, возникших здесь. Их много. Мне хочется хотя бы кратко сказать, что они делают. А делают они электродвигатели и передвижные электростанции, стеклотару и танкеры, речные пароходы и кукурузоуборочные комбайны, костюмные ткани и вельвет... Товары с херсонской маркой можно увидеть во многих городах. Это карданные валы и туфли, вина и консервы, земснаряды для очистки рек и аппараты для стрижки овец...

Несколько слов об обратной дороге из Херсона в Киев. Сел я в Херсоне на самолет и через сто минут увидел родной Киев.

Над Киевом самолет делал разворот, и я издали видел синюю ленту Днепра. Эту синюю ленту через несколько лет перережет новая плотина. И в ее крепком теле забьется электрическое сердце еще одной ГЭС на Днепре.

Богатый урожай кукурузы собрали в совхозе «Таврия». Нила Туйно работает на очистке кукурузы.

КАРАВАЙ ЗАВАРНОГО ХЛЕБА

Рассказ

Владимир СОЛОУХИН

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

По ночам мы жгли тумбочки. На чердаке нашего общежития был склад старых тумбочек. Не то чтобы они совсем никуда не годились, напротив, они были ничуть не хуже тех, что стояли возле наших коек,— такие же тяжелые, такие же голубые, с такими же фанерными полочками внутри. Просто они были лишние и лежали на чердаке. А мы сильно зябли в нашем общежитии. Толька Рябов даже оставил однажды включенной сорокасвечовую лампочку, желтенько светившуюся под потолком комнаты. Когда утром мы спросили, почему он ее не погасил, Толька ответил: для тепла. Понимаете теперь, как мы дорожили каждой крупицей этого драгоценного, этого чудесного «нечто», которое называется теплом!

Обреченная тумбочка втаскивалась в комнату. Она наклонялась с угла на угол, и по верхнему углу наносился удар тяжелой чугунной клюшкой. Операция была проста и изящна. Тумбочка разлеталась на куски, как если бы была стеклянная. Густоокрашенные дощечки горели весело и жарко. Угли некоторое время сохраняли форму то ли квадратной стойки, то ли боковой доски, потом они рассыпались на золотую, огненную мелочь.

Из печи в комнату струилось тепло. Мы, хотя и сидели около топки, старались не занимать самой середины, чтобы тепло беспрепятственно струилось и расходилось во все стороны. Однако к утру все мы зябли под своими одеялишками.

Конечно, может быть, мы не так дорожили бы каждой молекулой дровяного тепла, если бы наши харчишки были погуще. Но шла война, на которую мы, шестнадцатилетние и семнадцатилетние мальчишки, пока еще не попали. По студенческим хлебным карточкам нам давали четыреста граммов хлеба, который мы съедали за один раз. Наверное, мы еще росли, если нам так хотелось есть каждый час, каждую минуту и каждую секунду.

На базаре буханка хлеба стоила девяносто рублей, это примерно наша месячная стипендия. Молоко было двадцать рублей бутылка, а сливочное масло — шестьсот рублей килограмм. Да его и не было на базаре, сливочного масла, оно стояло только в воображении каждого человека, как некое волшебное вещество, недосягаемое, недоступное, возможное лишь в романтических книжках.

А между тем сливочное масло существовало в виде желтого, плотного куска даже в нашей комнате. Да, да. И рядом с ним еще лежали там розовая глыба домашнего окорока, несколько белых сдобных пышек, вареные вкрутую яйца, литровая банка с густой сметаной и большой ломоть запеченной в тесте баранины. Все это помещалось в тумбочке Мишки Елисеева, хотя на первый взгляд его тумбочка ничем не отличалась от четырех остальных тумбочек: Генки Перова, Тольки Рябова, Володьки Пономарева и моей.

Отличие состояло только в том, что любую нашу тумбочку можно было открыть любому человеку (пусть и бесприютно показалось бы ему там!), а на Мишкиной висел замок, которому по его размерам и тяжести висеть бы на бревенчатом деревенском амбаре, а не на столь хрупком сооружении, как тумбочка: знали ведь мы, как ее надо наклонить и по какому месту ударить клюшкой, чтобы она сокрушилась и рухнула, рассыпавшись на дощечки.

Но ударить по ней было нельзя, потому что она была Мишкина и на ней висел замок. Неприкосновенность же любого, не тобой повешенного замка вырабатывалась у человека веками и была священна для человека во все времена, исключая социальные катаклизмы в виде слепых ли стихийных бунтов, закономерных ли очистительных революций.

Мишка был родом из деревни неподалеку от города. Каждое воскресенье он ходил домой и приносил свежую обильную еду. Его красная, круглая харя с маленькими голубыми глазками, запрятанными глубоко в красноте, лоснилась и цвела, в то время как, например, Генка Перов был весь синенький и прозрачный, и даже я, наиболее рослый и крепкий подросток, однажды резко поднявшись с койки, упал от головокружения.

Свои припасы Мишка старался истреблять тайком, так, чтобы не дразнить нас. Во всяком случае, мы редко видели, как он ест. Однажды ночью, проснувшись, я увидел Мишку сидящим на койке. Он намазал маслом хлеб, положил сверху ломоть ветчины и стал жрать. Я не удержался и заворочался на койке. Может быть, втайне я надеялся, что Мишка даст и мне. Тяжкий вздох вырвался у меня помимо воли. Мишка вдруг резко оглянулся, потом, напустив спокойствие, ответил на мой вздох следующей фразой:

— Ну, ничего, не горюй, как-нибудь переживем.

Рот его в это время был полон жеваным хлебом, перемешанным с желтым маслом и розовой ветчиной.

В другую ночь я слышал, как Мишка чавкает, забравшись с головой под одеяло. Ничто утром не напоминало о ночных Мишкиных оргиях. На тумбочке бесстрастно поблескивал тяжелый железный замок.

К празднику Конституции присоединилось воскресенье, и получилось два выходных дня. Тут-то я и объявил своим ребятам, что пойду тоже к себе в деревню и что уж не знаю, удастся ли принести мне ветчины или сметаны, но черный хлеб — гарантирую. Ребята попытались отговорить меня: далеко, сорок пять километров, транспорт (время военное) никакой не ходит, на улице стужа, и как бы не случилось метели. Но мысль оказаться дома уже сегодня так овладела мной, что я после лекций, не заходя в общежитие, отправился в путь.

Это был тот возраст, когда я больше всего любил ходить встречь ветру. И если уж нет возможности держать против ветра все лицо, подставишь ему щеку, вроде бы разрезаешь его плечом, и идешь, и идешь, и думаешь о том, какой ты сильный, стойкий, и кажется, что обязательно видит, как ты идешь, твоя однокурсница, легкомысленная, в сущности, девчонка, Оксана, по взгляду которой ты привык мерить, однако, все свои поступки.

Пока я шел по шоссе, автомобили догоняли меня. Но все они везли в сторону Москвы либо солдат, либо ящики (наверное, с оружием) и на поднятые руки не обращали никакого внимания. Морозная снежная пыль, увлекаемая скоростью, перемешивалась с выхлопными газами, завихрялась сзади автомобиля, а потом все успокаивалось, только тоненькие струйки серой поземки бежали мне навстречу по пустынному, темному шоссе.

Когда настала пора сворачивать с шоссе на обыкновенную дорогу, начало темнеть. Сперва я видел, как та же самая поземка перебегает дорогу поперек, как возле каждого комочка снега или лошадиного помета образуется небольшой барханчик, а каждую ямку — человеческий ли, лошадиный ли след — давно уже с краями засыпало мелким, как сахарная пудра, позёмным снежком.

Назад страшно и оглянуться: такая низкая и тяжелая чернота зимнего неба нависала над всей землей. Впереди, куда вела дорога, было немного посветлее, потому что, хотя бы и за плотными тучами, должны были брезжить последние отблески безрадостного декабрьского дня.

По жесткому шоссе идти было легче, чем по этой дороге: снег проминался под ногой, отъезжал назад, шаг мельчился, силы тратилось гораздо больше.

Меня догнал человек — высокий усатый мужик, одетый поверх пальто в брезентовый плащ и закутанный башлыком. Этого, небось, не продувает. Случайный попутчик шагал быстро, и я старался тянуться за ним, хотя и чувствовал, что для моей «марафонской» дистанции такой темп не годится, что я из-за этого могу обессилеть раньше, чем доберусь до села.

Ему-то что! Он идет всего лишь до Бабаева. Скоро он будет дома, а мне после него еще идти двадцать километров. Да... наверное, самовар поставит ему жена, чайку горяченького. Или, может, достанет из печки щей. Они, конечно, остыли, чуть тепленькие. Но все равно, если есть звездочки и если взять ломоть хлеба потолще...

Я почувствовал, что желудок мой совершенно пуст, и для того, чтобы дойти до дому, я обязательно должен что-нибудь съесть, хотя бы жесткую хлебную корку со стаканом воды. Некоторое время я шел, вспоминая, как однажды, еще до войны, съел с морсом целую буханку хлеба. А то еще помнится, я варил себе обеды, когда жил не в общежитии, а на частной квартире. Это тоже было до войны. Я шел на базар и покупал на рубль жирной-прежирной свинины. Она стоила десять рублей килограмм. Значит, на рубль доставался мне стограммовый кусок. Эту свинину, изрезав на одинаковые кубики, я варил с вермишелью. Белые кубики плавали сверху, и, когда во время еды с ложкой вермишели попадал в рот кубик, во рту делалось вкусно-вкусно... Также продавали до войны сухой клюквенный кисель. Разведешь розовый порошок в стакане кипятку...

Тут у меня в голове гвоздем засела мысль, что надо будет у этого мужика, когда он дойдет до своего дома, попросить кусок хлеба, может, даст. Если есть дом,— значит, есть и хлеб в доме. Все же не голодовка теперь. Но вот ведь какая досадная психология! Когда ты сыт и у тебя все есть, ничего не стоит спросить у других людей и хлеба и еще чего-нибудь. Но когда голоден, когда на этот кусок вся надежда...

«Значит, что же, вроде милостыни получится. Как бывало дурачок Костя просил: «Подайте Христа ради!» Так, что ли? Вовсе не милостыня. Вместе идем. Почему не спросить?»

Однако я-то знал, что мой язык ни за что не повернется, чтобы и вправду в виде милостыни попросить кусок хлеба. «А может, попроситься ночевать? До его деревни километра три, да там двадцать. Не дойдешь. А если ночевать пустит, то, небось, и поесть даст. Факт. Вот жаль, я не разговорчивый человек. Другой на моем месте уж теперь казался бы ему лучшим другом. Бывают такие говоруны. Теперь он сам бы уж уговаривал меня зайти к нему переночевать или просто чайку попить. Или, может быть, щей... Они хоть и остыли теперь, чуть тепленькие...».

— Война, брат, переживать надо! — говорил между тем спутник, не сбавляя хода. Наверно, мой вид, мои подшитые валенки, мое демисезонное пальтишко, моя усталость, мой голод — наверное, все это возбудило сочувствие, иначе с чего бы это он меня взялся утешать.— Теперь все переживают. На фронте переживают — смерти ждут каждый момент; здесь матерям да женам за своих страшно — опять переживания. А у кого уж убили, кому похоронные пришли, тем и подавно слезы и горе. А мы с тобой еще что! Руки, ноги целы, идем к себе домой, а не где-нибудь в окопе лежим. Значит, как-нибудь переживем.

Мне вспомнилось, что точно такой же фразой утешал меня Мишка, сидя на кровати и уминая ветчину с маслом. «Тебе-то что не пережить!» — зло подумал я про спутника. Но все же через некоторое время разобрался: сердиться мне на него за что? За что злиться? Что у него дом ближе, чем у меня, или что одет теплее? Я так на него злюсь, думал я, как будто я уж попросил хлеба, а он отказал. Или насчет ночлега. Я ведь не спрашивал. За что же злиться? А может, он и хлеба даст и ночевать пустит — ничего не известно.

Но и до сих пор я не знаю, как отнесся бы мужчина к моей просьбе насчет хлеба или ночлега, потому что, когда дошли до его деревни, он свернул с дороги на тропинку вдоль домов и сказал мне, дотронувшись до башлыка:

— Ну, бывай здоров, не падай духом, ничего...

Может быть, на полсекунды опередил он меня со своим прощанием. А может быть, если бы и минуту стояли на перепутье, все равно я не осмелился бы спросить, кто знает. Так или иначе, мужик пошел к своему самовару и к своим щам, а я остался один среди ночи, вошедшей теперь в полную силу.

Метель становилась сильнее. Местами дорогу перемело так, что шагов десять приходилось идти по переметенному, увязая почти до колен. Радостно было после этого опять почувствовать под ногами твердую дорогу. Хорошо еще, что в руках была палка, которой я нащупывал дорогу там, где перемело.

Впрочем, дорога была не узка в этом месте. Когда-то здесь прошла, должно быть, колонна военных машин, и хоть колею давно уж замело снегом и узкий санный путь проторился над ней, все же колея существовала и палка находила ее.

Как ни старался я вообразить, что глаза самой красивой девчонки со всего курса, синие глаза Оксаны, смотрят на меня в эту минуту и, значит, надо идти как можно тверже и прямее, не сгибаться под ветром, не поворачиваться к нему спиной, как ни почетна была моя задача принести каравай хлеба ребятам из общежития, ночь взяла свое — мне стало жутко.

Теперь кричи не кричи, зови не зови — никто не услышит. Нет поблизости ни одной деревеньки. Да и в деревнях все люди сидят по домам, ложатся, наверно, спать, прислушиваясь к вою ветра в застрехах, в трубе, в оконных наличниках. Даже если кошка дома, то рады и за кошку, что сидит на стуле возле печки, а не шляется где-нибудь.

Я почувствовал, что, несмотря на холод, начинаю потеть. Неприятная, липкая испарина выступила по всему телу, и, словно бы вместе с ней, ушли, испарились последние силенки. Ноги сделались как из ваты, под ложечкой ощутилась некая пустота, и безразличие овладело мной. Скорей всего спасло меня то, что не на что было присесть. Если бы я нес хоть пустяковый чемоданишко, то, наверное, сел бы на него отдохнуть и, конечно, сразу бы заснул; раскопали бы на другой день, наткнувшись на островерхий бугорок снега.

Но присесть было не на что, и ноги мои механически переступали с места на место, приминая рыхлый снежок и почти не подвигая меня вперед из этой бесконечной ночи к крохотному и недостижимому островку тепла и покоя, где теперь спит моя мать, не зная, что я бреду сквозь метельную темень.

То, что мне не дойти, было ясно. Но в то же время (может быть, единственно от молодости) не верилось, что я в конце концов здесь погибну. Не может быть, ну, не может быть, что я здесь погибну. Случится что-нибудь такое, что поможет мне, выручит, и я все-таки дойду, и сяду на лавку около стола, и мать достанет мне с печи теплые валенки, и я наемся, а потом закурю, и ничего не будет слаще той глубокой, той долгожданной затяжки. Нет, что-нибудь случится, что я все-таки не останусь здесь навсегда. Ведь это так реально: теплый дом, и мать, и валенки, и еда. Это ведь все существует на самом деле, а не придумано мною. Нужно ведь только дойти, и все. А дома есть и валенки, и, конечно, есть у матери припрятанная на случай пачка папирос. Но что же все-таки случится такое волшебное, чудесное, что поможет мне дойти? Что? Что?

Вдруг я заметил, что мои ноги (а я глядел теперь только на свои ноги) как бы отбрасывают некую тень, да и от самого меня простерлась вперед некая темная полоса. Я оглянулся.

Случилось именно самое невероятное, самое чудесное и волшебное. По застарелой колее, беспорядочно разбрасывая свет от фар то вправо, то влево, то кверху, то книзу, пробирался настоящий автомобиль. Я еще не знал, какой он: легковой, или полуторка, или трехтонка, или, может быть, «студебеккер», но это безразлично: главное, автомобиль, и свет, и люди, и, как и следовало ожидать, я спасен, я не останусь замерзать в этой нелепой, заснеженной черноте.

О том, что автомобиль может не остановиться, а проехать мимо, у меня не было и мысли. Он для того только и появился здесь, чтобы подобрать и спасти меня, как же он может не остановиться? Если бы я знал, что он может не остановиться, я бы встал посреди дороги и растопырил руки. А то я вежливо отошел в сторонку и, кажется, даже не сделал самого простого — не поднял руки, настолько очевидно было, что меня нужно подобрать. И вот автомобиль (это оказалась полуторка), разбрасывая снег, проехал мимо меня. Ночь хлынула в пространство, на время отвоеванное у нее человеческим светом, залила его еще более густой, еще более непроглядной темнотой.

Полуторка не ехала, а ползла. В другое время мне ничего не стоило бы нагнать ее пятью прыжками и перекинуть себя через борт, едва коснувшись ногой какого-нибудь там выступа. Но теперь мне показалось, что если я, подобрав последние крохи сил, побегу, а потом буду карабкаться, и вдруг не догоню машину, или не сумею в нее забраться, и сорвусь, и упаду в снег, то уж, значит, и не встану. Вот почему я не побежал.

Отъехав шагов двести, машина остановилась. И не удивительно. Удивительно было другое: как она могла оказаться на этой дороге и как она вообще по ней пробиралась.

Я понял, что машина остановилась, когда начало там мелькать белое пятно света от электрического фонарика. Воображение подсказало, как люди вышли из кабины и теперь осматривают колеса и ту яму, в которую эти колеса провалились.

Вопрос теперь решался просто: кто скорее? Я скорее добреду до машины, или машина стронется с места? Иногда мотор начинал рычать усиленно и надрывно, даже стон и свист слышались в его рычании. У меня обрывалось сердце: сейчас пойдет, выкарабкается из ямы. Но рычание стихало, снова мелькал фонарик, и вскоре я стал различать силуэт машины, еще более темный, чем сама ночь.

Когда я подбрел к задку автомобиля, людей около него уж не было. Вот уж снег из-под задних колес долетел до меня, так я приблизился к цели. Вот уж я вижу, как бешено крутятся колеса, стараясь зацепиться хоть за какую-нибудь зацепочку, как дрожит деревянный кузов. Вот уж три метра от кончиков моих протянутых рук до заднего борта, вот уж два, вот уж один метр... Только бы теперь, в эту последнюю секунду, не дернулся вдаль от моих рук задок автомобиля, только бы не дернулся теперь, когда я уж почти ухватился за него!

Идти лишних три метра к кабине и спрашивать разрешения мне было невозможно. Кое-как я нашарил ногой железный выступ пониже кузова, кое-как перевалился через высокий борт и мешком упал на дно. В эту же секунду автомобиль, зацепившись наконец за что-то там, на дороге, подпрыгнул и сдернулся с места.

Застарелая колея, по которой пробирался автомобиль, проходила в четырех километрах от моего дома. Значит, мне надо было уследить момент, выбрать самую близкую к дому точку дороги, чтобы выпрыгнуть из кузова и идти дальше. Но как только я лег на дно кузова, как только почувствовал, что не нужно больше переступать ногами и вообще двигаться, так и задремал.

Сколько я дремал, неизвестно. Очнулся же от толчка. Мне показалось, что темные силуэты изб и ветел рядом с дорогой знакомы, что это и есть то самое село, возле которого мне надо выпрыгнуть из кузова и от которого до нашего села четыре километра. Перевалившись через задний борт, я отпустил руки и упал в снег. Грузовик сразу растворился в метельной темноте. Люди в кабине его так и не знают, что подвезли случайного попутчика, и мало того что подвезли, вероятно, спасли от замерзания.

Приглядевшись к избам и деревьям, к порядку домов, я понял, что грузовик либо увез меня дальше, чем мне было нужно, либо куда-нибудь в сторону, потому что деревня, в которой я очутился, была мне совершенно незнакома. Значит, не было у меня другого выхода, как стучаться в одно из черных окон в надежде, что затеплится оно красноватым огоньком коптилки, и проситься переночевать.

Все избы были мне одинаково незнакомы, все они были для меня чужие, но все же зачем-то я брел некоторое время вдоль деревни, как бы выбирая, в какую избу постучаться, и неизвестно почему свернул к одной из изб (ничем она не отличалась от остальных, разве что была похуже). Есть, должно быть, у каждой из русских изб эдакое свое «выражение лица», которое может быть либо суровым, либо жалким, либо добрым, либо печальным. Чаще всего, конечно, печальным. Наверное, этим-то подспудным я и руководствовался, выбирая, в какое окно постучать. А может быть, просто понадобилось некоторое время, чтобы собраться с духом и окончательно утвердиться в мысли, что стучать придется неизбежно, так лучше уж не тянуть.

Сначала я постучал в дверь на крыльце, потом, осмелев, потюкал ноготком по морозному стеклу окна. Сквозь двойные рамы не доходило мое тюканье до нутра избяного тепла, а может быть, сливалось с шумом ветра и с разными там метельными звуками. Тогда я начал стучать сгибом пальца и вскоре достиг успеха. Что-то в глубине дома сдвинулось, скрипнуло, вздохнуло, и голос совсем близко от меня за дверью спросил:

— Вам кого?

— Переночевать бы мне, с дороги сбился, а метель.

— Эко чего придумал! Могу ли я, одинокая баба, мужика ночевать пустить?

— Да не мужик я, ну, вроде бы... одним словом, студент.

— Откуда идешь-то?

— Из Владимира.

— Чай, не из самого Владимира пешком?

— То-то из самого.

Было слышно, что женщина за дверью с трудом вытаскивает деревянный засов из петель, ерзает им из стороны в сторону, чтобы скорее вытащить.

Душное избяное тепло, как только я вдохнул его несколько раз, опьянило меня, разморило окончательно. Я сидел на лавке без желания пошевелиться и блаженно озирался по сторонам.

Женщина (ей на вид было лет пятьдесят — пятьдесят пять, значит, надо считать, что около сорока) достала с печи валенки, а из печки, погремев ухватом, небольшой чугунок.

— Щи на обед варила. Да теперь уж, чай, остыли, чуть тепленькие.

Ну то есть сбывалось все точь-в-точь, как представлялось мне, когда я шел еще рядом с незнакомым мужиком. И ломоть хлеба оказался таким же толстым и тяжелым, каким я и ощущал, когда его еще не только не было в моей руке, но и не было никакой надежды на то, что он будет.

Я ел, а тетя Маша (так звали женщину) смотрела на меня, сидя напротив, думая о своем.

— Сколько исполнилось-то? — наконец спросила она.

— Семнадцать.

— Значит, на будущий год, если она не кончится, и тебе туда?

Потом тетя Маша помолчала, как бы решая про себя, говорить ли дальше или уж не говорить, и стала рассказывать. Она рассказывала, а я слушал, закурив после ужина (остался табачок от сына, именно от того самого, про которого она теперь рассказывала), и шли минуты, и шли часы, и проходила за окном метельная военная ночь, и проходила тут жизнь русской женщины тети Маши, пустившей меня среди ночи и теперь все рассказывающей, рассказывающей, рассказывающей...

Значит, не было случая до этого, чтобы рассказать и облегчить душу. Значит также, я показался ей благодарным слушателем, а то ведь бывает, и просится из души, а передать это человеку нет никакого желания. И то правда, единственное, чем я мог ответить тете Маше на ее приют и доброту, было мое благодарное слушание.

Она рассказала, что сначала от сына не было никаких вестей, а потом пришло письмо, и писано оно было чужой рукой. Писал Митя о том, что лежит в госпитале в Москве, и звал ее повидаться.

Главная часть рассказа тети Маши состояла из подробного описания всех преград, которые встали пред ней на пути к Москве и которые она по очереди преодолевала. Не так-то просто было попасть в Москву осенью сорок первого года, когда Москва была почти что осажденным городом. Если бы я в то время мог записать эту ее дорогу, а теперь только чуть-чуть подправить, то это была бы целая повесть, и не нужно было бы ничего добавлять.

В Москву она, конечно, прошла и Митю в госпитале отыскала. Он оказался раненый и, кроме того, весь обмороженный. Так что как тетя Маша на него взглянула, так будто бы и поняла, что не жилец. Села возле него, хотела хоть ночь, хоть семь ночей, а просидеть рядом. Ведь и сто просидишь, если последний сын и ночи его тоже последние.

Но сидеть не пришлось: очень уж Митя просил молочка. Он, оказывается, был большой любитель молока и в мирное время в покос или в жнитво выпивал сразу по крынке. И парное тоже любил. С детства еще приучился, чтобы прямо из подойника кружку молока. «Большая была кружка у нас...» Тут тетя Маша даже принесла эту кружку с кухоньки, чтобы я мог посмотреть, какая она. Кружка была алюминиевая, во многих местах помятая. Может статься, Митя еще мальчонкой играл с ней или, по крайней мере, часто ронял.

Уж если женщина сумела добраться до Москвы и даже пройти в саму Москву, то, наверное, она сумела бы достать раненому сыну молока, если бы это было возможно. Но не было молока в Москве поздней осенью сорок первого года. Тетя Маша решила ехать за молоком в свою деревню.

Тут она опять подробно рассказала мне о всех дорожных приключениях, и когда ехала из Москвы в деревню и когда везла Мите бидон самого лучшего коровьего молока. «Я и больше бы захватила. Не испортилось бы. Да в чем же его повезешь?»

Тетя Маша замолчала надолго, и я, оказывается, не ошибся, спросив ее тихим голосом:

— Ну и что же, успел он попить-то или уж не успел?

— Успел,— ответила тетя Маша.

Постлано мне было на печке. Вскоре сквозь подстилку (старый тулуп и байковое одеялишко поверх него) стало доходить до тела устойчивое, ровное тепло кирпичей. Засыпая, я думал: вот шел я вдоль деревни, и все избы были для меня одинаковые. А что затаилось там в них, за ветхими бревнами, за черными стеклами окон, что за люди, что за думы, неизвестно. Но приоткрылась дверь в одну избу, и оказалось, что живет в ней тетя Маша со своим великим и свежим горем. И уж нет у ней мужа, нет сыновей и, надо полагать, не будет. Значит, так и поплывет она через море жизни одна в своей низкой деревенской избе. И остались ей одни воспоминания. Единствен-

ная надежда на то, что особенно вспоминать будет некогда: надо ведь и работать.

Если бы я постучался не в эту избу, а в другую, то, наверно, открыла бы мне уж не тетя Маша, а тетя Пелагея, или тетя Анна, или тетя Груша. Но у любой из них было по своему такому же горю. Это было бы точно так же, если бы я очутился в другой деревне, четвертой, пятой, в другой даже области, даже за Уральским хребтом, в Сибири, по всей метельной необъятной Руси.

Утром я без особых приключений добрался до родительского дома. Мать испекла мне большой круглый каравай заварного хлеба. Он от обычного черного хлеба отличается тем, что заметно сластит и немного пахнет солодом.

Ночевав дома одну ночь, положив драгоценный каравай в заплечный мешок, я отправился обратно во Владимир к своим друзьям по студеному, голодному общежитию.

Оказывается, виноваты были не одна только метель, не одно только то обстоятельство, что я из Владимира вышел, не поев как следует, и потому быстро обессилел. Оказывается, сами по себе сорок пять километров зимней дороги — не легкое дело. Когда я прошел двадцать пять километров и вышел на асфальтированный большак и, таким образом, идти мне оставалось двадцать километров, я был почти в таком же состоянии, как и в позапрошлую ночь в метель, когда, если бы не случайный грузовик, замерзать бы мне среди снежного поля.

Кроме того, я, должно быть, простудился за эти два дня, и теперь начиналась болезнь. Мне сделалось все безразлично. Какое бы интересное дело, ожидающее меня в будущем, ни вспомнилось, мне казалось оно теперь совсем неинтересным и скучным: не хочу летом купаться в реке, не хочу ходить на рыбалку, не хочу читать книги, не хочу в лесу жечь костер, не хочу ходить в кино и есть мороженое; безразлично мне даже, есть ли на свете Оксана, самая красивая со всего нашего курса синеглазая девчонка. Я уж давно заметил за собой, что, если у меня пропадает интерес ко всему на свете, значит, я начинаю хворать.

Пройдя по асфальту километр, я почувствовал себя совсем плохо и стал поднимать руку тем редким, можно даже сказать, редчайшим грузовикам, которые время от времени догоняли меня. Некоторое развлечение состояло в том, чтобы считать эти проходящие грузовики и загадывать, который же из них возьмет меня с собой.

Остановился седьмой грузовик (к этому времени я пробрел еще три километра).

— Ну, куда тебе? — грозно спросил шофер, выйдя из кабины.— Спирт есть?

— Нету, какой может быть спирт?

— Табак, папиросы?

— Нету.

— Сало? Э, да что с тобой разговаривать! — Он пошел в кабину, и уже угрожающе зарычал мотор.

— Дяденька, дяденька, не уезжайте! У меня хлеб есть, заварной, сладкий. Сегодня утром мать испекла.

Мотор перестал рычать.

— Покажи.

Я достал из мешка большой, тяжелый каравай в надежде, что, может быть, шофер соблазнится, отрежет от него часть и за это довезет меня до Владимира.

— Это другое дело, полезай в кузов.

Каравай вместе с шофером исчез в кабине грузовика. Надо ли говорить, что больше я не видел своего каравая. Но, видимо, болезнь крепко захватила меня, если и само исчезновение каравая, ради которого я перенес такие муки, было мне сейчас безразлично.

Ничего не изменилось в общежитии за эти два дня. Как будто прошло не два дня, а две минуты. Ребята оживились, увидев меня, но тут же поняли, что мне не по себе. Я разделся, залез в ледяное нутро постели и только попросил друзей, чтобы они истопили печку и принесли бы из титана кипятку.

— Комендант запер чердак на пудовый замок (эта новость была самой неприятной, потому что я все никак не мог согреться), а кипятку сколько хочешь. Только вот с чем его... Да ты из дому-то неужели ничего не принес?

Тогда я рассказал им, как было дело.

— А не был ли похож этот шофер на нашего Мишку Елисеева? — спросил Володька Пономарев.

— Был,— удивился я, вспоминая круглую красную харю шофера с маленькими синими глазками.— А ты как узнал?

— Да нет, я пошутил. Просто все хапуги и жадюги должны же чем-нибудь быть похожи друг на друга.

— Так ты что же, так ничего и не ел целый день? — вдруг догадался Генка Перов.— Хоть бы краюху отломил от того каравая.

— Каравай-то я вам нес, думал, обрадую. Сейчас бы разрезали его на куски... С кипятком...

Тут в комнате появился Мишка Елисеев.

— Слушай,— обратились к нему ребята.— Видишь, захворал человек. Дал бы ему чего-нибудь поесть. Не убыло бы.

Никто не ждал, что Мишку взорвет таким образом. Он вдруг начал кричать, наступая то на одного, то на другого. Было видно, что при крике у него изо рта вылетают брызги слюны, и это мне, лежащему в ознобе, было почему-то противнее всего.

— А вы что, проверяли мою-то еду? У меня что, амбары с едой? Я тоже, как вы, мне на хлебную карточку тоже четыреста граммов дают. Ишь вы какие ловкие в чужую суму глядеть! Нет у меня ничего в тумбочке, можете проверить. Разрешается!

При этом он, как мне показалось, успел метнуть хитрый лучик на свой тяжелый железный замок.

Напряженность всех этих дней, усталость, мужик, не позвавший меня ночевать, грузовик, проехавший мимо, горе одинокой и доброй тети Маши, сердоболие, которое вложила мать в единственный каравай заварного хлеба (и думает, что я его буду есть теперь целую неделю), бесцеремонность, с которой у меня взяли этот каравай, огорчение, что не принес его в общежитие, заботы ребят, хотевших покормить меня из Мишкиных запасов, его хитрая и бесстыдная ложь — все это вдруг начало медленно клубиться во мне, как клубится, делаясь все темнее и зловещее, июльская грозовая туча. Клубы росли, расширялись, подступали горечью к горлу, застилали глаза и вдруг ударили снизу в мозг темной непонятной волной.

— А вот я и проверю! — твердо, как мне показалось, сказал я, поднимаясь с койки и путаясь ногами в сбившемся одеяле.

Говорили мне потом, что я спокойно подошел к печке, спокойно взял клюшку, которой мы крушили обычно тумбочки, и двинулся к Мишке. Мишка сначала метнулся, чтобы загородить свою тумбочку грудью, но, значит, свиреп был мой решительный вид, если все же он уступил мне дорогу и даже отскочил к двери.

Остальное я помню хорошо. Привычным жестом наклонил я тумбочку с угла на угол (отметив про себя, что тяжелая, не в пример тем, с чердака) и опустил клюшку на нужное место.

О сладость бунта! О треск и скрежет лопающихся скреп в душе и в мире! Разве дело в размерах? Дело в сути ощущений и чувств. Это была моя Бастилия, мой Зимний дворец и те засовы на тех воротах, которые придется еще когда-нибудь разбивать.

Я поднял клюшку и раз и два, и вот уже обнажилось сокровенное нутро «амбара»: покатилась стеклянная банка со сливочным маслом, кусочками рассыпался белый-белый сахар, сверточки побольше и поменьше полетели в разные стороны, на дне под свертками показался хлеб.

— Приказываю все это съесть, а тумбочку сжечь в печке,— будто бы распорядился я, прежде чем снова укрыться легоньким одеялом. Самому мне есть не хотелось, и даже поташнивало. Впрочем, скоро я забылся, потому что болезнь вошла в полную силу.

Мишка никому не пожаловался, но жить в нашей комнате больше не стал. Его замок долго валялся около печки, как совсем ненужный и бесполезный предмет. Потом его унес комендант общежития.

Толосун Исмаилов.

ПРИГЛАШ

Толен ШАМШИЕВ

Я уже взялся за дверную ручку, как вдруг на столе застрекотал телефон.

— Добрый день, аба! Узнаете?

Я сразу узнал Толосуна Исмаилова по этому его непременному «аба» [1].

[1] Аба (киргизск.) — уважительное обращение к старшему по возрасту.

— Здравствуй, Толосун! Какими судьбами?

— Приехал сегодня в десять часов утра вместе с Акатканом Саманбетовым. Говорю из научно-исследовательского института животноводства. С делами мы уже покончили. Выезжать готовы сейчас же. Вы с нами поедете? Приглашаем в гости.

...Я живо представил себе Толосуна Исмаилова, каким видел его зимой в совхозе «Улахол». Тогда в его отаре только что закончился зимний окот. Толосун и члены его бригады, уставшие, с осунувшимися лицами и воспаленными от бессонницы глазами, дневали и ночевали в кошаре и тепляках. От 513 маток они получили 704 ягненка.

Тогда, зимой, сидя за столом в новом просторном доме молодого чабана, я спрашивал: «Скажи, Толосун, как ты стал последователем Ивана Малашенко, с чего это началось у тебя?». «С чего началось? — переспросил он.— А вот с него.— Толосун показал на сидевшего напротив совхозного партийного вожака — Акаткана Саманбетова.— Приезжает к нам в отару Акаткан Саманбетович, спрыгивает с коня и газетой машет, как флагом. Читали, говорит, про Ивана Малашенко? Мы на него глаза таращим: а кто он такой, этот Иван Малашенко, что о нем обязательно читать надо? Парторг говорит: «Эх вы, от жизни отстаете! Иван Малашенко — ставропольский чабан, он за два года три окота получил. Понимать надо!» Вот с того самого дня и началось. Не выходили у меня из головы слова парторга: «А что, Толосун, если и твоей бригаде попробовать? Или, может, боитесь?» Мы не побоялись. А первые наши результаты вы, аба, уже знаете».

Да, их знали все. За два года Толосун Исмаилов от всей отары в пятьсот овец получил три окота. Я не удивлялся и не считал это случайностью. Толосун — умный практик. И с теорией тоже знаком близко — недаром же он учится заочно на третьем курсе Пржевальского сельскохозяйственного техникума и готовится поступить на заочное отделение Киргизского сельскохозяйственного института.

Я тогда подумал, что обязательно надо приехать к Толосуну еще раз. И теперь звонок Толосуна обрадовал...

Когда я вышел из подъезда, на улице меня уже поджидала «Волга». Возле нее стояли и покуривали Толосун и секретарь парткома совхоза, крупный, кряжистый Акаткан Саманбетов.

Зимой, в отаре, я видел Толосуна в ватной фуфайке, стеганых шароварах, кирзовых сапогах; прямо скажем, эта одежда отнюдь не красила. Теперь его было не узнать. Передо мной стоял стройный молодой человек в хорошо сшитом светло-сером шерстяном костюме. Худощавое, орехового цвета лицо освещали карие глаза, такие живые и выразительные, что, казалось, по ним можно было безошибочно читать каждое движение души. Золотая звезда с серпом и молотом и алый значок депутата Верховного Совета СССР поблескивали на лацкане пиджака.

С Саманбетовым и Исмаиловым был еще один человек, мне незнакомый. Вид франтоватый. Возраста неопределенного, но заметно, что явно молодится. Черная щеточка усиков в отменном порядке.

...Город быстро остался позади. «Волга» стремительно неслась на восток от Фрунзе по широкому асфальтовому шоссе, и внимание Толосуна было целиком занято встречными автомашинами да медлительными упряжками волов, которые меланхолично волокли на ближние поля громоздкие брички, груженные удобрениями.

Незнакомец, которого звали Касым, оказался продавцом сельпо. Он попросил Толосуна подбросить его по пути. И уже через пять минут мы все об этом пожалели. Обладатель усиков принадлежал, вероятно, к немногочисленному племени хаятелей, которые обладают непостижимой способностью во всем видеть только черное. Говорил он со скоростью тысяча слов в минуту. Мы не вырвались еще из яблоневого плена пригородных сел, а попутчик наш уже стал нам порядком надоедать. Не оставил он без внимания и тихоходов-волов со скрипучими бричками.

— Девятнадцатый век! — насмешливо кривился Касым.—Удивляюсь! Умные хозяева уже давно сдали своих быков на бойню. Туда им и дорога, а бричкам— в музей. Не правда ли, товарищ Герой Социалистического Труда?

Толосун возразил спокойно:

— Конечно, было бы глупо возить на них груз за сто километров. На то машины есть. А тут, видите,— Толосун показал рукой,— поле начинается сразу за плетнями. До борозды, где заправляются тракторы и сеялки, от села метров пятьсот — шестьсот. Тут уж глупо возить семена, удобрения, воду на автомашинах: пять минут в рейсе, полтора часа — на погрузке и разгрузке! Нет, вы напрасно тащите быков на бойню, товарищ продавец.

— Я не только продавец! —обиделся Касым.— Конечно, я маленький человек, не герой, золотой звезды не имею, но в вашем животноводстве кое-что смыслю. Сельхозтехникум окончил, фермой в колхозе заведовал. Вы себя знатоком считаете, а, между прочим, если честно говорить, тоже чепухой занимаетесь. Сказал бы я вам...

— Что ж, умного человека всегда слушать полезно,— серьезно ответил Исмаилов.

— Не очень-то приятны будут мои речи,— сказал Касым, помедлив недолго.— Может, замнем для ясности, а?

Толосун вдруг развеселился:

— Ну, тогда ясность будет полная: как ночью в юрте, когда спрячешь голову под черное одеяло! Лучше уж говорите.

Касым как будто только того и ждал.

— Вот вы, например, кричите: надо сеять и косить на горных пастбищах многолетние травы, ячмень, овес на корм скоту. А зачем? Чтобы зимой овечки и лошади от голода не погибли? Так ведь против этой беды еще деды наших дедов знали средство. Что делал киргиз? Заберется со своими овцами и конями на зиму как можно выше в горы. Снежные тучи не над ним, а под ним ходят. В низинах зима сугробы наметет, а в горах снега мало, скот сам для себя корм добывает. Бывало, конечно, и в горах глубокий снег выпадал и буран бывал — тощали овечки и лошади, гибли. Но часто ли это случалось? Не очень. А теперь этой беды и вовсе бояться нечего. Государство у нас могучее — поможет. Куда автомашины и тракторы не смогут пройти, туда на самолетах корм доставят.

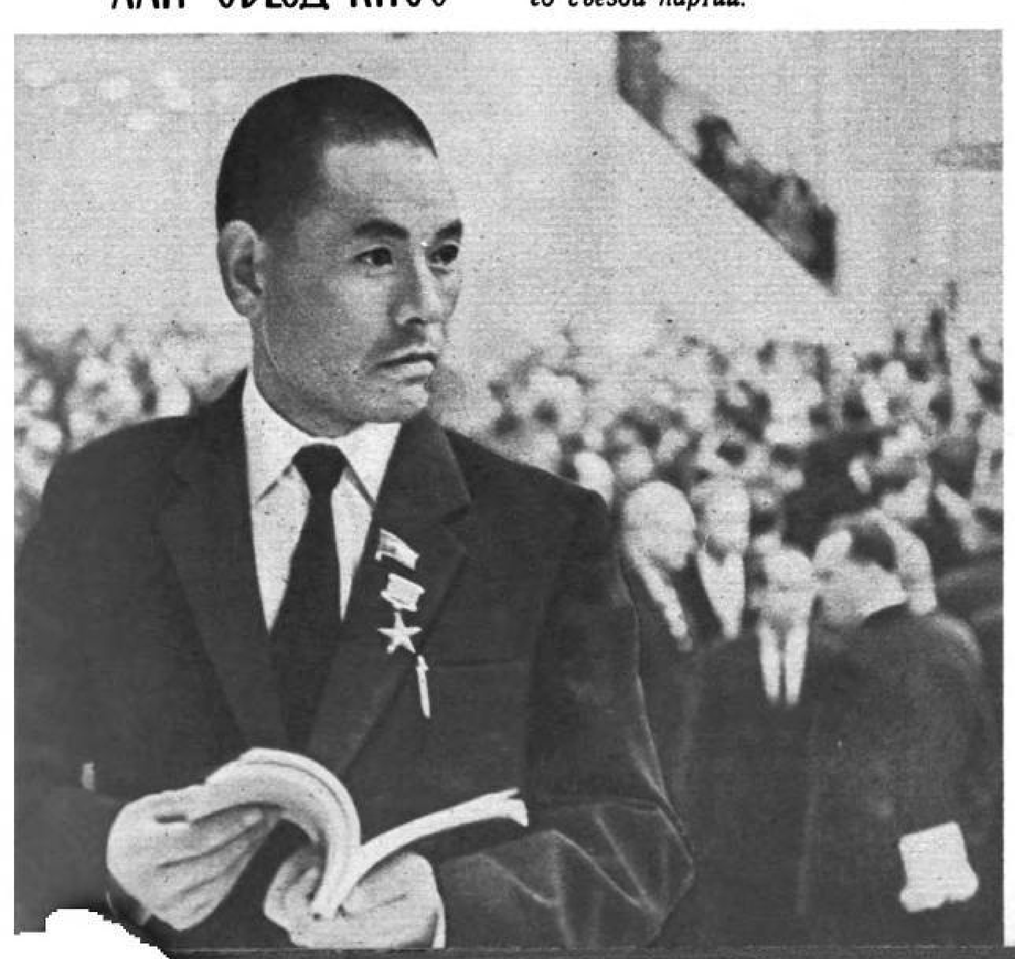
Не повернув головы, Толосун ответил:

— Ну, знаете, мы хотя и не в доме у меня, а в машине, все же вы, Касым, вроде бы мой гость. А гостя обижать нельзя. Отложим разговор до другого раза.

Город, гигантские квадраты густой, сочной зелени кукурузных полей, поля озими, сахарной свеклы, где, сопутствуемые грачиными стаями, работали проворные трехколесные тракторы с навесными культиваторами,—все это осталось где-то далеко позади. Мы были уже в глубине Боома. Горы со всех сторон сдавили ущелье. Слева от шоссе — провал; там, далеко внизу, рождался неумолчный глухой рев и в просветах между скал изредка возникала на миг белая от пены спина реки Чу. Вдруг, многократно повторенный

XXII СЪЕЗД КПСС

Толосун Исмаилов—в Кремле. Киргизский чабан — делегат исторического съезда партии.

ЕНИЕ В ГОСТИ

эхом, все закоулки ущелья огласил паровозный гудок. Даже мы, люди местные — участники и свидетели строительства этой изумительной железной дороги, проложенной в послевоенные годы по немыслимым кручам Боомского ущелья,— даже мы не можем без волнения слышать здесь голос паровоза. Мы изгибаемся, задираем головы и смотрим вверх. Поезда не видно, он скрыт скалами, но метрах в двухстах над нами по скалам расползается его след — султан дыма.

За мостом через Чу ущелье раздалось, справа за рекой потянулась каменная пойма с зелеными островками колючего джерганака. А вот и последний поворот, и мы снова на равнине.

Тихо. Травы замерли, словно к чему-то прислушиваясь. На горизонте под лучами солнца голубым пламенем запылало озеро. Прямая, будто проведенная тушью по линейке, полоска шоссе нацелилась на Рыбачье, портовый городок, раскинувшийся на высоком каменистом берегу, у самой западной оконечности Иссык-Куля. Туда же бегут и рельсы железной дороги.

Впереди от шоссе отходила вправо широкая дорога, по которой должен был лежать наш путь в совхоз. Саманбетов наклонился к Исмаилову:

— Будь добр, Толосун, подбрось меня до райкома. Я здесь задержусь. А вечером доберусь с кем-нибудь на попутной машине.

Заторопился вдруг и Касым:

— Я тоже выйду здесь. Мне дальше не по пути с вами. Спасибо, что подвезли!

Он взял свой чемодан и выбрался на мостовую. Но уйти, не сказав какой-нибудь пакости, он не мог. Опасливо косясь на широкую спину удаляющегося Саманбетова, он торопливо заговорил:

— Я ведь не желаю тебе зла, Толосун. А все же прямо скажу: напрасно ты старые киргизские традиции нарушаешь. Наши отцы и деды не глупее нас с тобой были.

— Будьте здоровы! — ответил Толосун, захлопнув дверцу, и меня вдруг прижало к спинке сиденья — так резко рванулась машина с места.

Я покосился на Толосуна. На скулах у него ходили желваки.

— Деды, деды! — гневно заговорил он, размышляя вслух. — И хорошо бы, если бы о них говорил один этот олух! Хуже другое: есть еще и такие, которые и сегодня заведуют фермами... да не только фермами... И они цепляются за старое, за то, чему давно уже сдохнуть пора! — Толосун взглянул в мою сторону.—Разве это традиция, аба, когда мне говорят: надейся на аллаха, как надеялись на него твои деды? Сегодня я узнал в институте животноводства, что посевы высокоурожайных трав на ближних к нам Тонских сыртах повышают плодородие горных пастбищ в одиннадцать раз. Вы только подумайте,— в одиннадцать раз! Естественные сенокосы дают четыре центнера сена с гектара, а сеяные — сорок четыре! И будь у наших дедов тракторы, сеялки, удобрения, разве стали бы они цепляться за свои старые традиции и доводить дело до того, что к весне от овец остаются шкура да кости, а многие вовсе гибнут? Деды цеплялись за традиции, потому что у них не было иного выхода, и они поступали правильно. Но тот, кто сегодня хочет держаться дедовских традиций,— неумный, отсталый и, я бы сказал, вредный человек. Он, как упрямый ишак, загородивший тропу...

Дорога быстро летела под колеса «Волги». Наступал предвечерний час, когда на ледяных вершинах гор солнце зажигает свои сверкающие золотые костры.

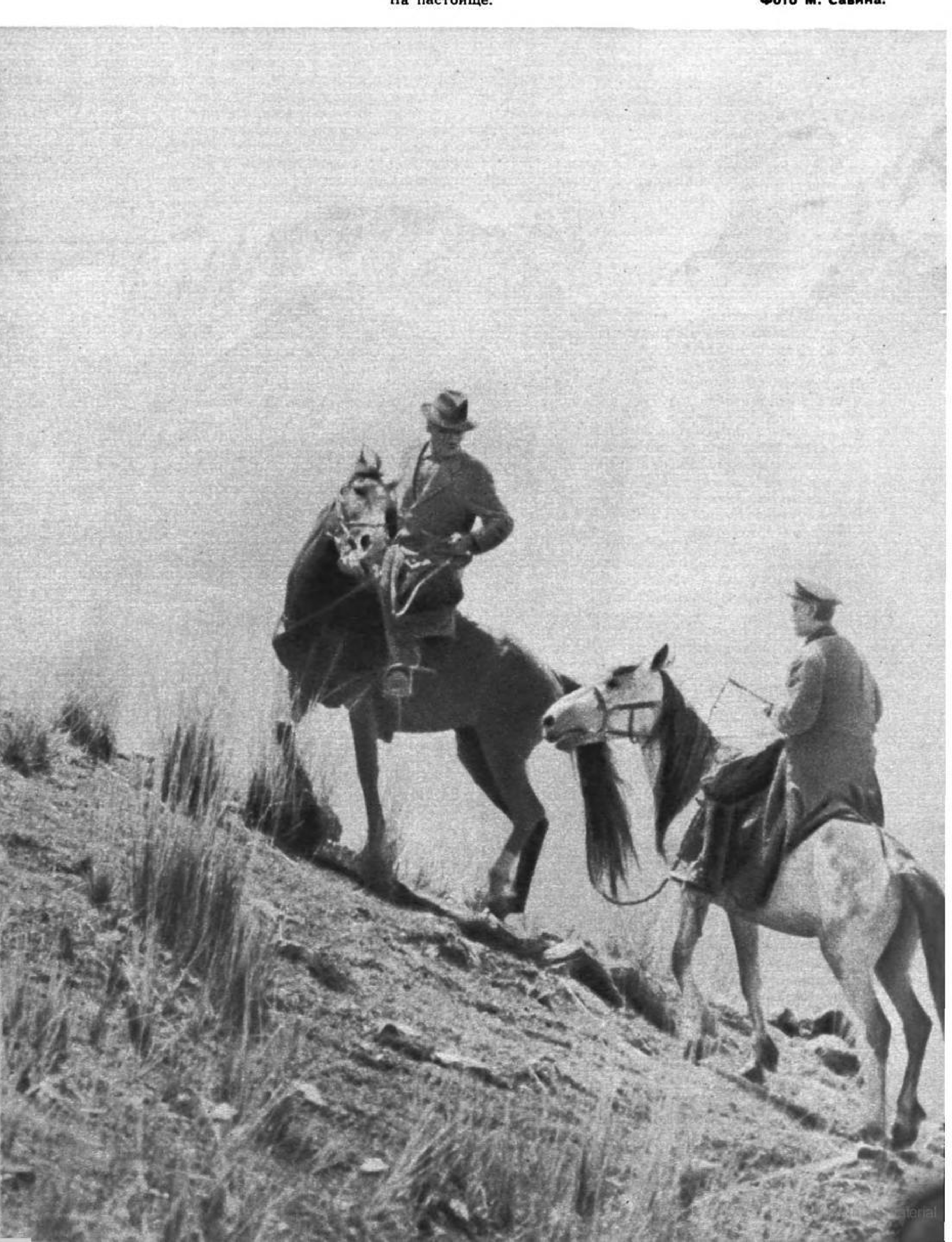
Разговор наш был все о том же. Видно, Толосун никак не мог успокоиться.

— А знаете,— вдруг признался он,— у меня ведь тоже, вроде как у этого Касыма, сомнения были: выдержат овцы нагрузку уплотненного окота или не выдержат? Что ни говорите, а это ведь перестройка биологии животных.

— Ну, а что ты теперь думаешь?

— О, теперь я спокоен и уверен.— Толосун помолчал немного.— Видите ли, в чем дело. При первом окоте мы получили от каждых ста маток сто тридцать семь ягнят, при втором—сто пятьдесят шесть, при третьем — сто тридцать три. Этот спад насторо-

На пастбище. Фото М. Савина.

жил меня: не истощаются ли овцы? Правда, в республике есть немало хозяйств, где и при обычном, неуплотненном, окоте получают от ста маток всего восемьдесят или девяносто ягнят. Но на них равняться не приходится: там люди еще не отрешились от пресловутых «традиций». Так или иначе, а первого окота во второй двухлетке я ожидал с большой тревогой. Но волновался, оказалось, напрасно: плодовитость овец не снизилась, а повысилась. В среднем на сто маток мы получили по сто тридцать семь ягнят, и все они выжили, хорошо растут. Корма хватает. Овец на пастбище еще подкармливаем дробленым зерном, жмыхом, даем достаточно соли. Кстати, я интересовался сегодня в институте животноводства, как идут дела у других. Оказывается, хорошо... Конечно, у тех, кто о кормах заботится. Вы, между прочим, знаете кандидата сельскохозяйственных наук Гусарову?

Мне сразу же вспомнилась полная пожилая женщина, которая умеет как влитая сидеть в седле. Она работник научно-исследовательского института, ее дом в городе. Но тут, в горах, эту женщину знают больше, чем там, в городе. Двадцать пять лет своей жизни эта неутомимая труженица отдала своей цели: облагородить горные пастбища Киргизии. Да, именно облагородить — очистить их от ядовитых трав, которых здесь немало, и внедрить травосеяние на пастбищах.

Толосун рассказывал: сейчас сорок пять тысяч гектаров отдаленных пастбищ Киргизии засеваются высокоурожайными травами, ячменем, овсом... Но это еще не венец дела. Надо, чтобы площадь таких посевов была больше. И не на столько-то процентов, а во много раз больше. Многолетние данные института животноводства показывают, что травы, выращенные в горах, на сыртах, обходятся в полтора-два раза дешевле, чем тот же корм, завезенный с побережья озера. Это ключ к снижению себестоимости животноводческой продукции.

— Я, наверное, не по порядку говорил, — словно извиняясь, подытожил Толосун. — Но завтра все это будет обсуждаться у нас в совхозе на совещании. Акаткан Саманбетович пригласил ученых из научно-исследовательского института. Если там будете, все вам станет ясно.

Я не отвечал. Мне думалось: «Черт возьми, удивительные все-таки времена! Отец Толосуна — байский батрак — по ночам либо пас чужой скот, либо считал звезды на небе сквозь прорехи в своей ветхой юрте. А вот его сын запросто беседует с учеными».

...Солнце скрылось за горами, когда из-за зелени садов показал свои крыши поселок совхоза.

И вот уже улицы. Мелькнули здания школы, больницы, клуба, у которого муравейником толклась молодежь.

У ворот дома нас встретила розовощекая Амал — жена и первый помощник Исмаилова в его чабанских делах.

— Не бранись, дорогая Амал! — воскликнул Толосун, выпрыгивая из машины. — Знаю, обед уже давно нас ждет. Но мы наверстаем...

Перевел с киргизского
К. ТКАЧЕНКО.

Константин СИМОНОВ

НАШ ПОЛИТРУК

Баллада

Я хочу рассказать всю правду
О политруке нашей роты.
Он войну начинал на границе
И погиб, в первый раз, под Смоленском.
В черном небе, когда умирал он,
Не было и проблеска Победы.
«В бой за Родину! — крикнул он хрипло. —
В бой за Ста...» — так смерть обрубила.
Сколько б самой горькой и страшной,
С этим именем связанной правды
Мы потом ни брали на плечи,
Это тоже было правдой в то время.
С ней он умер. Пошел под пули.

Он второй раз погиб в Сталинграде
В первый день, в первый час прорыва,
Не увидев, как мы фашистам
Начинаем платить по счету.
Умирая, другие люди
Шепчут: «мама» — и стонут: «больно».
Он зубами скрипнул: «Обидно!»
Видно, больше всего на свете
Знать хотел он: как будет дальше?

В третий раз он умер под Курском,
Когда мы им хребет ломали.
День был жарким-жарким. А небо —
Синим-синим. На плащ-палатке
Мы в тени сожженного «тигра»
Умиравшего положили.
Привалившись к земле щекою,
Он лежал и упрямо слушал
Уходивший на запад голос
Своего последнего боя.

А в четвертый раз умирал он
За Днепровскою переправой
На плацдарме, на пятачке.
Умирал от потери крови.
Мы его не могли доставить
Через Днепр, обратно на левый.
Он не клял судьбу, не ругался.
Он был рад, что по крайней мере
Умирает на этом, правом,
Хотя Днепр увидел впервые
В это утро, в день своей смерти.
Хотя родом на этот раз он
Был не киевский, не полтавский,
А из дальней Караганды.

У него было длинное имя,
У политрука нашей роты.
За четыре кровавых года
Так война его удлинила,
Что в одну строку не упишешь:
Иванов — его было имя,
И Гриценко, и Кондратович,
Акопян, Мурадов, Долидзе,
И опять Иванов, и Лацис,
Тугельбаев, Слуцкий, и снова
Иванов, и опять Гриценко...

На политрука нашей роты
Наградных написали гору.
Раза три-четыре успели
Наградить его перед строем,
Ну, а чаще не успевали.
Или в госпиталях вручали,
Две награды отдали семьям,
А одна, говорят, большая,
Его так до сих пор и ищет...

Когда умер в четвертый раз он,
Уже видно было Победу,
Но война войной оставалась,
И на длинной ее дороге
Еще много раз погибал он.
Восемь раз копали могилы,
Восемь тел его мы зарыли:
Трижды в русскую, в русскую, в русскую,
В украинскую, в украинскую,
И еще один — в белорусскую,
На седьмой раз, в братскую-польскую,
На восьмой — в немецкую землю.

На девятый раз он не умер.
Он дошел до Берлина с нами,
С перевязанной головою,
На ступенях рейхстага снялся
С нами вместе, со всею ротой.
И невидимо для незнавших
Восемь политруков стояло
Рядом с ним, с девятым, дошедшим.

Это было так, потому что
Всю дорогу, четыре года,
Они были душою роты,
А душа, говорят, бессмертна!
Не попы, а мы, коммунисты,
Говорим, что она бессмертна,
Если вложена в наши души,
Если вложена в наше дело,
Если наше смертное тело,
Не страшась, мы сожгли в огне
На Отечественной войне.

Где же наш политрук девятый?
Говорят, секретарь райкома,
Говорят, бригадир в колхозе,
Говорят, дипломат на Кубе,
Говорят, в жилотдел послали,
Чтоб на совесть все, без обмана...
Говорят, в Партийном контроле,
Восстанавливая справедливость,
День и ночь сидел над делами,
Что касались живых и мертвых,
Что остались от тех, недобрых,
Столько бед принесших времен.

Очевидно, разные люди
Его в разных местах встречают,
Вот и разное говорят.
Видно, был он в войну не только
В нашей с вами стрелковой роте,
Видно, был и в других он тоже,
Не скажу во всех, но во многих.
Наше счастье, что так и было,
Наше счастье, что так и есть!

15 октября 1961 года.

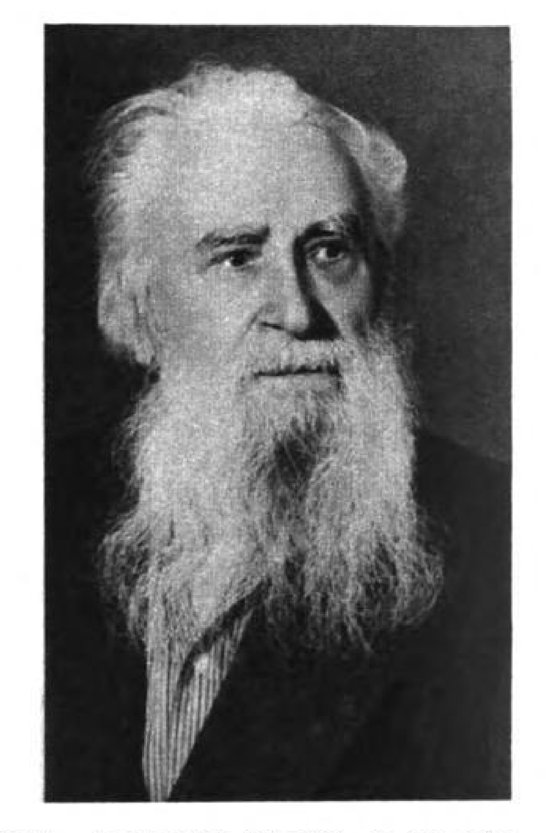
Д. Мочальский. ЭНТУЗИАСТЫ.

М. Суздальцев. НА НОВОЙ ВОЛГЕ.

В. Ефанов. ПОСЛЕ ФОРУМА
МАССА ВПЕЧАТЛЕНИЙ.

МЕЧТАЙТЕ!

С. КОНЕНКОВ,
народный художник СССР,
лауреат Ленинской премии

Я привык верить слову коммунистов. Поэтому я верю в жизнь, которую строят коммунисты, верю в их мечту.

Строго говоря, Программа партии это и есть огромная, всеобъемлющая мечта. Я знаю: она станет явью. Об этом говорят делегаты XXII съезда, об этом говорит Никита Сергеевич, и их уверенность глубоко радует меня.

Мне вообще по душе мечтатели, люди, умеющие заглянуть в неведомое. Как бы ни отличались их мечты от нашего сегодняшнего, то есть ограниченного рамками одного только нынешнего дня, бытия, все равно правда на стороне мечтателей!.. И коммунисты своей Программой торопят приход того времени, когда человек полностью освободится от забот о куске хлеба, жизнь наполнится счастьем творческого труда, как никогда, расцветут таланты, а мечта народная, дело народное пойдут еще дальше вперед огромными шагами.

...«Где родился, там и сгодился», — говорит народ. Впрочем, к людям теперь эту старую мудрость, может быть, и не всегда приложишь. А вот к тому, что дает природа и вековые традиции, меткое слово подходит в самый раз. Я родился на Смоленщине, в лесном сказочном краю. И вот я, не мудрствуя лукаво, работаю всю жизнь с деревом и добиваюсь, чтоб мои деревяшки были живее живых, чтоб в них навсегда и для всех далеко была видна красота людей, близких моему сердцу.

Это вовсе не значит, что податливость поющих древесных пород способна передать мою любовь лишь к моим землякам. Много лет я работал над образом Паганини, чародея музыки. Сколько же было сделано вариантов и эскизов, чтобы выразить неповторимость музыки Паганини, мятежный, свободолюбивый дух самого музыканта! Но во всех многочисленных пробах я ни разу не изменил дереву, потому что был уверен: музыкальная, колдовская душа великого Паганини сродни характерам моих земляков, сродни певучей плоти дерева. Классическая ясность мрамора не казалась мне достаточной для выявления бурного характера Паганини. И мне думается, я оказался прав в выборе материала: мне посчастливилось донести до людей мою мечту о герое музыки.

Совсем недавно меня познакомили с интересной работой выпускников института имени Сурикова. Это монументалисты. В основе их поиска — мечта о повсеместном применении природных материалов. Патриотическая мечта!.. Они работают с камнем. Из того самого камня, который у нас под ногами, молодость творит красивые, сильные мозаики. У нас принято набирать мозаики из смальт, которые дорого стóят, выписываются из-за границы, хорошо блестят, но с трудом выдерживают великую нагрузку монументальных форм. Попросту говоря, это далеко не лучший материал для решения монументальных образов и композиций. Но вот я вижу первопечатника Ивана Федорова — образ, впервые воскрешенный в искусстве моим учителем С. М. Волнухиным. Новый портрет набран из кусков колотых минералов. Это гранит, базальт, известняк, мрамор. И как же все получилось крупно, сильно, убедительно! Иван Федоров не только похож, но и психологически глубок. Земной материал не подвел молодого художника... Говорят, булыжником разве что улицы мостить. Выходит, не только на это годится булыжник! Камень рассказал о человеке. И каком человеке! Первооткрыватель, человек большой мечты, Иван Федоров зажил новой жизнью на стене студенческого клуба. Как это хорошо!..

Небывалая стройка идет по стране. Возводятся города будущего, и искусству предстоит внести свою лепту в это всенародное дело. Города будущего должны быть удобны для жизни и неповторимы по красоте; разве же допустит наш народ — хранитель великих художественных традиций — безликое единообразие в оформлении новых улиц, площадей и проспектов! Мы справедливо мечтаем о законченном совершенстве и неповторимом облике городов будущего. И чтобы мечта стала явью, мы все должны заботиться о самом широком применении так называемых местных материалов — дешевых и широко распространенных—для оформления городов и сел.

Москву ведь недаром так и зовут — белокаменной. А как привлекателен сложенный из розового туфа Ереван, великолепны одетые в гранит берега Невы!

Как же мы можем забывать о местных богатствах в угоду мертвящего стандарта! «Где родился, там и сгодился» — вот верные слова. Все развитие нашей культуры должно быть подчинено органической связи творца и его родной земли.

Не мне подсказывать городам и весям, какие богатства есть в их землях. Я скажу одно: мечтайте о городах и селах сказочной красоты! Не пренебрегайте тем, что дала в ваши руки природа, ведите неустанный поиск новых средств и возможностей. Не думайте, что приедут к вам «художники из центра» и украсят для вас ваш город. Сами находите в вашей земле сокровища и смело принимайтесь за дело!

В Программе партии так и записано, что «Большое значение приобретают культура градостроительства, архитектурное оформление и планировка городов и сельских населенных пунктов, производственных и культурно-бытовых зданий, жилых домов. Художественное начало еще более одухотворит труд, украсит быт и облагородит человека».

Но пусть никому не кажется, что это уж очень легкое дело — без больших затрат и по-настоящему монументально, а главное, благородно, с большой мыслью оформить новое здание, квартал, проспект, район, город...

Лишь коммунистическое отношение к подобной задаче поможет решить ее.

Жизнь со всех сторон подступает к нам со своими неумолимыми требованиями, ибо советские люди жаждут прекрасного. И когда они видят архитектуру, в которой все отдано конструктивным расчетам и ничего не оставлено на долю искусства, они попросту ворчат и сердятся. Ворчат, обходя со всех сторон огромное здание кинотеатра «Россия» на площади Пушкина в Москве. Сотни квадратных метров стены, а глазу не на чем задержаться! Оказывается, предполагались мозаики, но их отменили. Зачем же и почему?! Они были бы здесь куда как к месту! Не нужен нам подобный аскетизм. Не нужен и даже вреден. Ворчали бы и студенты Библиотечного института, упираясь взглядом в гигантский безмолвный экран боковой стены, покрытый стандартной керамической плиткой. Но на стене-экране развернулась такая панорама, что враз и не охватишь глазом!.. Надо сказать доброе слово о молодых художниках-суриковцах. Это Борис Пятницин, Сергей Чехов, Юрий Либхабер, Михаил Семенов. Они хорошо потрудились над оформлением клуба Библиотечного института! Пришла к студентам счастливая мысль: попробовать себя на чем-то настоящем, вот они и попросили Министерство культуры дать им дело по душе. И что замечательно — студентов приняли и поняли, а работа для них, конечно, нашлась. Здесь, в студенческом клубе, только и оказалось затрат, что труд дипломников: камни-то почти ничего не стоят!

Труд молодых — учебный и пока еще кое в чем несовершенный, но обещающий многое впереди! И как же должны быть дороги и важны нам крупицы подобного художественного опыта! Развивать монументальное искусство завещал нам Ильич. И я счастлив, что молодежь горячо берется за осуществление этой ленинской мечты.

Мы за мир и братство народов. У нас грандиозные планы. Для их осуществления нужно братство народов, нужен мир. Мы не хотим войны. Мы всем народам протягиваем руку дружбы и говорим: «К чему раздоры! В нас общая людская кровь. Да здравствует жизнь на земле!» И пусть не омрачают наших устремлений бесноватые генералы — и недобитые и новоиспеченные, — которые все еще мечтают о реванше!.. Подумайте: «мечтают». Да разве можно назвать мечтой их людоедские планы?!. Мечта — слово светлое, понятие созидательное. Мечтает партия коммунистов. Она мечтает о счастье для всех людей, о радостном труде, о вечном мире. И я счастлив, что это и моя мечта.

Вечерний час.

З. ХИРЕН

Фото А. Бочинина.

Ефрейтор Игорь Студенников.

28 этаж

Днем в гостинице тихо: все в Кремле, на съезде. И лишь к вечеру к крыльцу подкатывают одна за другой автомашины и автобусы. Огромный холл первого этажа наполняется делегатами. Скоростные лифты едва успевают доставлять всех в номера. И вот уже одно за другим зажигаются окна на всех 28 этажах «Украины».

— В каждом окне — «маяк»,— заметил кто-то.

И это действительно так. За те часы, что мы провели в стенах «Украины», можно было в том убедиться.

Поднимаемся на 17-й этаж, чтобы встретиться там с ефрейтором Игорем Студенниковым.

Дежурная по 17-му этажу спрашивает, чем прославился ее жилец. Оказывается, сегодня уже несколько человек им интересовались. Но мы лишь знаем год рождения Студенникова — 1940-й, и заинтересовал нас этот паренек тем, что он самый молодой делегат XXII съезда КПСС.

— Да, он так молод...— произносит в задумчивости дежурная.— Вернее, даже юн.

В это время щелкнули двери лифта, и послышались легкие, быстрые шаги. К дежурной подошел высокий, стройный солдат с узенькими ефрейторскими нашивками на черных артиллерийских погонах. Да, дежурная права: об этом пареньке даже не скажешь, что он молод. Он действительно очень юн.

Узнав, что мы пришли к нему, Студенников смущается:

— Но я просто не знаю, что рассказывать. У меня ничего в жизни не произошло. Да, я ефрейтор. Служу первый год в Советской Армии.

Мы обращаем внимание на наградные знаки, которыми украшен его мундир.

— Что ж, такие знаки у многих моих товарищей. В нашей части немало целинников. Это очень боевые люди, и они за военное дело взялись с не меньшим рвением, чем за подъем целины. Сказать по правде, так я лично на первых боевых стрельбах немного растерялся. Да, старослужащие предупредили меня, что когда начнут стрелять, надо открыть рот, иначе оглохнешь. А я, услышав первую канонаду, забыл обо всем на свете, а потом целый день ничего не слышал.

— Значит, это было вашим боевым крещением?

— Вроде,— смущенно улыбается он.

И тут мы узнаем коротенький жизненный путь ефрейтора. Он очень коротенький. Но в нем, как в капле воды, отражены многие идеи, о которых в эти часы идет разговор в Кремле, на съезде партии. Игорь вырос среди казахских детей, подружился с ними, побратался. Кончил десятилетку; оказавшись без родителей, был окружен друзьями, товарищами...

И вот, слушая обо всем этом, мы невольно думаем о том, что это интервью, возможно, облегчит труд будущих корреспондентов, когда в конце семидесятых годов нашего века они

НА ДРУГОЙ СТОРОНЕ ПЛА

Борис ИВАНОВ,

специальный корреспондент «Огонька»

Минула еще одна неделя октября, багряной поры американской осени. Эта неделя была самой примечательной неделей месяца. По выражению артиста Дана Мэрола, «эфир принес в Нью-Йорк дух Москвы». Первые страницы новейшей истории, которые открылись в Кремле перед глазами всего мира, сразу нашли свое отражение и здесь, на другой стороне планеты Земля. Не всякое отражение было «в фокусе». Репортажи, комментарии, печатаемые в местных газетах на видных местах, часто искажают действительный смысл великого события — XXII съезда Коммунистической партии Советского Союза. Но какой бы флер ни пытались накинуть на это событие, чтобы сбить с толку читателя, для всех ясно: СССР добился поразительных экономических успехов. Программа КПСС — реальный путь к изобилию в духовной и материальной жизни советского народа.

Серьезные обозреватели призывают экономических боссов Америки призадуматься, отбросить скептицизм и зазнайство, трезво смотреть на вещи. «Вот что сейчас главное»,— говорят они.

«В глазах западных экспертов, которые всю жизнь отдали изучению экономического развития коммунизма,— пишет журнал «Ньюсуик»,— манифест Н. С. Хрущева (так здесь называют Программу КПСС.— Б. И.) придает человечеству новую движущую силу...»

«Для того, чтобы понять то, что произошло в России,— отмечает газета «Нью-Йорк миррор» в своей редакционной статье,— надо изучать партийные съезды, ибо на них принимаются решения, которые сегодня оказывают влияние на весь мир».

Одна из телевизионных компаний Нью-Йорка организовала дискуссию, посвященную XXII съезду. Казалось бы, куда как благороден порыв! Но цель? Замолчать съезд нельзя: не поймут телезрители. Говорить всю правду тоже нельзя: не похвалят сильные мира сего. Где выход? Действовать традиционными методами: с благородной улыбкой втиснуть в разговор на популярную тему рекламу залежалого антисоветского товара.

После беглого показа Кремля и открытия съезда в эфир полетели слова: война, бомба, угроза. Но позвольте, господа, кто кому угрожает? Что, например, говорится в политическом заявлении Ассоциации военно-воздушных сил США? «Человечество не может бесконечно существовать в мире, который остается наполовину рабским, наполовину свободным. Сохранение статус-кво не может быть нашей национальной целью. Полностью стереть с лица земли советскую систему — вот что является нашей национальной целью, нашим обязательством».

Определеннее не скажешь.

Пресса — зеркало общественного мнения. Так говорят. Но верно ли это выражение применительно к прессе США?

С главой делегации Саудовской Аравии на Генеральной Ассамблее господином Шукейри я встретился в кулуарах ООН вечером, после заседания Политического комитета. Спросил, каково его мнение о докладе Н. С. Хрущева.

— Это была превосходная речь,— ответил Шукейри,— мне как представителю Арабского Востока особенно близки слова Н. С. Хрущева о колониализме. Когда я был со своими друзьями в Париже, нам показали в президентском дворце драгоценные ковры, мрамор, сверкающие украшения. Все это привело моих коллег в восхищение. Но мне было грустно, и я сказал: «Вы видите пот и кровь нашего народа». Колониализму приходит конец. Мы с интересом следим за ходом XXII съезда.

Разговор с артистом Джорджем Кэмптоном начался в сквере у центральной библиотеки, а закончился через два часа в кафе на 5-й авеню. Произошло это так: когда к нашей беседе о выступлениях Н. С. Хрущева на XXII съезде присоединились сидящие рядом на скамейке почтальон и ветеран первой мировой войны, вдруг у тротуара, заскрежетав тормозами, остановилась синяя машина. Выскочивший из нее полисмен сразу направился к нам.

— Не могу ли быть полезен? — вежливо осведомился он.

— Здесь все в порядке,— ответил Джордж, вытер белым платком взмокший лоб и предложил мне пойти выпить чашечку кофе.

— В Германии,— рассказывал Джордж, сидя в кафе,— отец встретил двух русских, он целовался с ними на Эльбе. И я хочу дружить с вашими ребятами. Хвала и честь Хрущеву, когда он говорит, что оружие нужно потопить в океане. Знаете, почему наши не хотят договора с ГДР? Боятся распространения коммунистической идеологии... А у вас в стране молодые актеры долго ищут работу?

Когда мы рассказали, что выпускники советских театральных школ даже создают свои труппы, и привели в пример московский «Современник», Джордж Кэмптон усомнился:

— Так уж и создают? Ведь в Советском Союзе живут только по плану.

В познаниях нашего собеседника о Советском Союзе был явный сумбур. Но это не его вина. Чувствовалось, что он искренне хочет разобраться во всем, что происходит в СССР.

— Наши газеты сейчас много пишут о России. Но отыскать в них правду невозможно. Программа КПСС произвела сильное впечатление. Вот газеты и врут, путают нас, считая за простачков. После революции вы быстро пошли в гору. А новый план Хрущева еще дальше двинет вас в экономике. Это я понимаю. Скажите мне честно: бесплатные квартиры, автобусы, обеды не пропаганда? Нет? Тогда кто же будет ремонтировать дома и платить деньги управляющим?

Степанида Виштак и Надя Самойленко.

Капитан Б. К. Кондрус.

На огонек к старой знакомой. Садыков Батербек, Дина Денщикова и Саша Устинова.

ей «Украины»

станут освещать съезд партии, на котором будет подводиться итог двадцатилетки.

Здесь, в гостинице, нам не раз посчастливилось быть свидетелями интересных и трогательных встреч. Не раз мы видели, как пожилые люди обнимались, целовали друг друга,— одни не виделись с самой войны, других обрадовал сам факт встречи на историческом съезде. Наблюдая все это, мы думали о характере посланцев народа, о тех новых качествах, которые зарождаются в людях в эти дни.

Кто не слышал о знаменитой звеньевой Степаниде Демидовне Виштак! А тут мы узнаем о ней нечто новое. Молоденькая доярка Надя Самойленко увидела среди делегатов Степаниду Демидовну и бросилась к ней, как к родной. Они уже были знакомы, встречались в Киеве на совещаниях. Они долго разговаривали между собой, и обеим стало ясно, что расстаться так просто не смогут. И вот попросили, чтобы их поместили в одной комнате. Наде еще нет и двадцати двух. Она живет в селе Кухари, Иванковского района, Киевской области. На ферму пришла еще школьницей. Сначала растила телят, а там и дояркой стала. Поступила учиться. Сейчас она учится и работает, заканчивает ветеринарный техникум.

И сколько таких молодых, вступающих на стезю, указанную им славными «маяками»!

Но уж коли речь зашла о «маяках», нельзя не рассказать о капитане дальнего плавания Бруно Карловиче Кондрусе. Его послали на съезд коммунисты Латвии. Подтянутый, с удивительно спокойным взглядом. Мы застали его в номере, когда он брился.

— Да, в нашей гостинице что ни окно, то «маяк»,— повторяет капитан.— Нам, морякам, маяк всегда указывает правильный путь. А здесь, знакомясь с новыми товарищами, слушая их речи на съезде, я не раз убеждался в том, какую огромную роль в жизни страны играют наши «маяки».

Бруно Карлович начал работать в таком же возрасте, что и Надя Самойленко. Ему не минуло и четырнадцати лет, когда он отправился в первое плавание. Сейчас он командует одним из прославленных кораблей — «Котласом». Слушая на съезде выступления зарубежных наших друзей, он не раз вспоминал далекие берега, города, откуда прилетели эти товарищи к нам в Москву. Бруно Карлович побывал в четырнадцати странах, и он хорошо представляет себе тяжелую жизнь трудового народа капиталистических государств.

К крановщице Саше Устиновой и токарю Дине Денщиковой зашел на огонек киргизский шахтер Садыков Батербек. Дело в том, что Саша некогда работала в Киргизии. Разговорились, вспомнили старых друзей. И Садыков показал телеграмму, полученную им сегодня от его бригады. Ребята сообщают, что они успешно справились с обязательствами, взятыми в честь XXII съезда. Казалось бы, обыкновенный разговор, но надо знать, что Садыков Батербек у себя на руднике сделал то же самое, что Валентина Гаганова у себя на фабрике. Он оставил лучшую бригаду и перешел в худшую, считавшуюся безнадежной. И вот результат — эта телеграмма.

Садыков аккуратно складывает ее и прячет в карман.

анеты

Такие вопросы не случайны. Американские обозреватели, как правило, опускают экономическую сторону доклада Н. С. Хрущева, тенденциозно смакуя ту его часть, где речь идет о культе личности. А если и называют конкретные цифры из Программы КПСС, то сопровождают их такими иезуитскими комментариями, что читатель становится в тупик. Или, как это сделала «Нью-Йорк геральд трибюн», прибегают к фальсификации, тщатся доказать, что коммунизм — выдумка мечтателей, а сама Программа — лишь красивые слова, которым не суждено осуществиться. Взяв на вооружение не существующие в природе высказывания Маркса, Ленина и ловко жонглируя ими, обозреватель упомянутой газеты Джозеф Ньюмэн пытается извратить смысл коммунистических идей, оклеветать советскую действительность. В статье нет ни фактов, ни аргументов, есть только нелепые выдумки.

— Что же вы, мистер Ньюмэн, так беспардонно врете? — спросили у него советские журналисты.

У суетливого маленького человечка забегали глаза под выпуклыми стеклами очков.

— В редакции нечего было ставить. Заказали эту статью и сказали: срочно. Не успел продумать.

Хороши нравы! Впрочем, вся американская пропаганда «не успевает продумать». Она застигнута врасплох той могучей, жизнеутверждающей правдой коммунизма, которая захватила воображение всех честных людей. Ей нечего противопоставить и остается лишь одно — выдумывать.

Да, трудно Джорджу Кэмптону отыскать правду.

— В вашей стране много негров? — неожиданно спросил Джордж.

— Негров мало, но в нашей стране много людей разных национальностей, и все они живут в дружбе.

— И в школе казах сидит рядом с русским?

Интернационализм, дружба народов, ставшие составной частью жизни советских людей, для многих американцев, отравленных ядом расизма — все еще непонятная и сложная проблема. И это было ясно видно из беседы с Джорджем Кэмптоном. Он за то, чтобы черные и белые ездили вместе в автобусе, сидели рядом за столиком ресторана, но не на одной школьной парте. «Негры — менее способные люди, и они будут тянуть весь класс назад»,— сказал Джордж Кэмптон.

Типичны ли эти рассуждения для сегодняшней Америки? Пожалуй. Но типично и другое — сомнение в истинности своих взглядов, желание найти правильный ответ. И Джордж получил его тут же от своей соотечественницы, миссис Катарины Хьюстон, шляпницы по профессии. Был час ленча, и она подсела к нашему столику с тарелкой лукового супа.

— А разве среди белых нет менее способных? — вмешалась Катарина Хьюстон.— Они не тянут класс назад? Что, в вашей школе были все гении? Сила коммунистов и в том, что они не делают различия между национальностями. Я аплодирую Хрущеву за его слова о дружбе народов. Вас, советских, ждет большой успех. И знаете, почему? Я так думаю: раз правительство заботится только о счастье простого человека, значит, оно самое честное правительство и ему любой план по плечу. Вам поможет и бог.

Мы расстались с Джорджем Кэмптоном во второй половине дня. Прощаясь, он сказал: «Мне еще надо о многом подумать. Завидую вашей ясности мыслей».

Простые люди Америки думают, размышляют. Слова великой правды, сказанной с высокой трибуны XXII съезда КПСС, несмотря на усилившуюся антисоветскую пропаганду, доходят до всех сердец.

Нью-Йорк.

ТВОИ ШАГИ, КОММУНИЗМ!

Леонид ЛЕРОВ, *специальный корреспондент «Огонька»*

Твои шаги, коммунизм! Их, естественно, ощущаешь и здесь, в Будапеште, где созидается первая фаза коммунизма — социализм. Их примечаешь на Чепеле и в корпусах будапештского завода «Эдьешюльт Иззаи», чьи ксеноновые светильники ныне известны всему миру, в лабораториях научных институтов и на полях кооперативов, объединивших теперь 90 процентов всех сельских хозяйств страны. Но есть и другие приметы — порыв человеческих душ, голос сердца.

В редакции «Непсабадшаг» мне предложили: «Познакомьтесь с нашей почтой за первые дни работы съезда, с письмами тех, кто взялся за перо сразу после чтения газет, после передач по радио, телевидению».

И вот я листаю эти письма, телеграммы.

...Письмо из Туркеве от Надя Шандора, секретаря партийной организации сельскохозяйственного кооператива «Красная звезда». Да, это действительно звезда, это венгерский «маяк», один из тех кооперативов в Венгрии, которые первыми смело пошли дорогой коллективного хозяйства еще в 1948—1951 годы.

«Мне очень нравится, как уверенно и откровенно говорил товарищ Хрущев. Очень важно, что он так твердо, крепко стоит на ленинских позициях и зорко следит за выполнением решений XX съезда партии».

...Бихари Бор из Будапешта принадлежит к той старой гвардии, которой довелось быть и участником борьбы за Советскую Венгрию.

«Когда я читал доклады Н. С. Хрущева,— пишет он,— невольно вспомнил события 1919 года. Тогда наша республика просуществовала только 133 дня. Советская Красная Армия в то время не смогла помочь нам, так как сама вела смертельную войну против внешних и внутренних врагов. А сегодня нас, строителей новой жизни, более миллиарда. Сегодня наш лагерь стал решающим фактором мирового развития. Пусть-ка сунутся в наш дом!»

Рабочие, крестьяне в письмах рассказывают о своих будничных на первый взгляд делах, но каждый смотрит сегодня на них с гребня великих событий.

Иштвана Шика больше всего волнует, «как будем строить нового человека». Он директор школы в деревне Херед, и его внимание особенно привлекла та часть докладов Хрущева, где речь идет о воспитании людей. «Сейчас очень важно,— пишет Иштван Шик,— чтобы каждый педагог был мастером коммунистического воспитания».

Доктор Афро Янош из Будапешта пишет, что он сам и все его друзья горячо одобряют позицию Советского правительства по вопросам международной жизни. «Мы полностью солидарны с этой позицией — спорные вопросы надо решать за круглым столом».

...Телеграфируют в редакции газет, в ЦК партии, телеграфируют от имени собраний партийных и беспартийных, из городов и деревень. Одна из телеграмм имеет такой адрес: «Москва, Кремль, Яношу Кадару». Это из Будапештского медицинского института. Просят товарища Кадара передать привет делегатам съезда, тем, кто прокладывает миру новые пути. Просят сказать им спасибо за это, сказать, что в Венгрии Программу КПСС восприняли как и свою программу.

Приносят новые письма, новые телеграммы. Это голос народа Венгрии.

Будапешт.

Большой театр! Какой гость Москвы не мечтает побывать в нем! Особенно сейчас, когда на афише два новых названия: опера И. Дзержинского «Судьба человека» и балет А. Баланчивадзе «Страницы жизни».

На новом спектакле МХАТа, «Хозяин», делегат съезда народный артист СССР Б. Платонов рассказывает автору пьесы И. Соболеву и исполнителям спектакля Б. Ливанову и М. Прудкину, как идет пьеса у них в Белоруссии.

Делегаты съезда — желанные гости. В Театре имени Моссовета В. П. Марецкая беседует в антракте с генерал-лейтенантом Д. А. Драгунским.

Празднична, торжественна вечерняя театральная Москва! Оканчивается заседание съезда, десятки машин и автобусов спешат от Кремлевских ворот к гостеприимно распахнутым дверям театров.

А в театрах что ни день — премьера, и каждая — рапорт актерского творческого коллектива съезду!

Все новые и новые герои спектаклей заполняют подмостки. Молодые и старые, веселые и задумчивые, обитающие в городах, на больших стройках, в селах — разные, непохожие,— они ежевечерне выходят на сцену, чтобы рассказать зрителям о своих мыслях, чувствах, делах...

Праздник, праздник у людей! И у тех, что на сцене, и у тех, что в зале.

Фото Д. Бальтерманца, Л. Бородулина, А. Бочинина, Р. Лихач, В. Тарасевича.

Зал горячо аплодирует актерам Театра имени Ермоловой, играющим в спектакле Н. Погодина «Мой друг». Среди зрителей — делегат съезда первый секретарь ЦК КП Азербайджана В. Ю. Ахундов.

↓ Показывают съезду свои новые фильмы кинематографисты страны. Как много интересного обещает реклама!

В воскресный вечер на сцене Кремлевского Дворца съездов в концерте для делегатов выступил ансамбль «Березка».

Встреча с юностью — мечтающей, поэтичной — состоялась на спектакле В. Пановой «Проводы белых ночей» в Театре имени Маяковского.

Каждый вечер в большой праздничной программе Московского цирка «Арена дружбы» радует зрителей Олег Попов.

Финиш? Нет, старт!

Михаил АЛЕКСАНДРОВ

Итоги нынешнего чемпионата страны по футболу будут обсуждаться еще долго, но наверняка не найдется такого человека, который бы посчитал, что киевские динамовцы не по праву получили звание чемпионов. Верный и давний поклонник столичного «Спартака», истинный патриот «Пахтакора», наконец, слегка огорченный приверженец «Торпедо» — словом, каждый, поостыв после футбольных страстей, поразмыслив, обязательно скажет: «Что бы там ни было, а киевляне медали заслужили!»

Они вторую футбольную осень подряд собирают обильные плоды своего спортивного труда. Прицеливались в прошлом году, точно попали в цель в этом. Старший тренер команды Вячеслав Соловьев, воспитанник славного боевого товарищества мастеров-армейцев поры Григория Федотова и Всеволода Боброва, вероятно, в отличном настроении. Пусть не похож по манере игры В. Лобановский на динамичного, как ртутный шарик, В. Демина, а молодой и стремительный В. Каневский — на футбольного математика Г. Федотова, черты давно знакомые все равно вспоминаются старому футболисту. Не та ли творческая дружба, которая некогда делала непобедимым армейский ансамбль, накрепко сплотила сейчас украинских хлопцев, сделав их чемпионами?..

Свой приз лучшему вратарю футбольного сезона редакция журнала «Огонек» вручила в этом году Владимиру Маслаченко («Локомотив»). Молодой вратарь хорошо провел ряд ответственных игр и успешно защищал ворота сборной команды страны.

Дружба дружбой. Но к этому нужно еще и многое другое для победы в футбольном марафоне. И прежде всего зрелое мастерство, выносливость, расчет, вдохновение. И все это вместе, как в сжатом кулаке. И все это осознанно, без иллюзий, с твердым убеждением, что каждый соперник на поле серьезен, что каждое потерянное очко невозвратимо. Опытный и умный боксер, выходя на ринг, стремится не пропустить ни одного, даже самого легкого удара и, зорко следя за поведением соперника, набирает и набирает очки, зная, что силы надо сохранять до конца, что они могут очень понадобиться для бурного последнего раунда.

Длительный футбольный турнир минувшего лета был на редкость интересным. Интересным и поучительным. Уже предфинальные соревнования в подгруппах выявили степень турнирной закалки команд. Как известно, в первую десятку не сумели попасть такие популярные коллективы, как московское «Динамо» и обе ленинградские команды — «Адмиралтеец» и «Зенит». Чем объяснить их неудачу? Быть может, резким снижением класса? Но в последующих матчах за чертой финалистов, московское «Динамо» убедительно показало, что мастерство его на голову выше соперников, а ленинградский «Адмиралтеец» одерживал победу за победой в трудных кубковых встречах. Значит, дело не только в падении класса. Причина, нам думается, и в снижении игровой, спортивной дисциплины, той небрежности и холодке, которые порой проскальзывали в матчах этих сильных команд с заведомо более слабыми. Такое в спорте не прощается. Одиннадцатое место в таблице чемпионата, которым вынуждено довольствоваться московское «Динамо», многократный чемпион страны, вполне им заслужено в минувшем сезоне.

Крайне любопытно сложились события в группе сильнейших, в финальной десятке. Кто мог предположить, что московские торпедовцы, выйдя на старт с солидной «форой», будут терпеть в финальных матчах неудачу за неудачей? Кто мог предугадать, что московские спартаковцы, с большим трудом попавшие в финал, станут одерживать победу за победой, демонстрируя убедительное преимущество в поединках с сильнейшими командами? Кто мог, наконец, подумать, что ансамбль столичных армейцев, который не без оснований прочили на высшую ступень, разладится, а коллектив железнодорожников сделает еще более прочной и грозной свою крепкую, волевую игру?..

И все же, если не все, то кое-что предполагать было можно. Тем, кто внимательно наблюдал за игрой «Торпедо», становилось ясно, что в первоклассном, мастерском коллективе далеко не все ладно. Казалось, все было по-прежнему. Быстрый темп, хорошо разработанные комбинации, уверенная техника, способность стремительно переходить от защиты в наступление... Но все это было уже не то! Подобно тому, как финты полузащитника Н. Маношина, ставившие еще недавно в тупик самых опытных футболистов, мало кого теперь озадачивали, игра торпедовцев потеряла свою новизну и остроту. К тактике их привыкли. Хорошо отработанные комбинации хорошо усвоились и соперниками. Команда не пошла дальше в своих исканиях, а некоторое снижение скоростных возможностей у С. Метревели, В. Иванова, Б. Батанова, прямолинейность действий О. Сергеева сделали менее опасными их атаки. А потом стало ясно, что защитные линии команды не могут принять на свои плечи тяжесть чужих возросших атак.

Вспоминаются в этой связи яркие, полные подлинного драматизма последние минуты встречи «Торпедо» — «Динамо» (Киев). Казалось, проигрывают киевляне. Огромная, наполненная до краев чаша стадиона имени В. И. Ленина взволнованно гудела. Мяч влетел в ворота гостей, и оставалось совсем немного времени до конца игры. Торпедовцы продолжали атаковать — широко, настойчиво. Было очень трудно киевлянам отойти от своих ворот, перенести игру на другую половину поля. Но это надо, просто необходимо было сделать. Причем не просто отбив мяч подальше, но нацеленно, развернув контрнаступление. Постепенно, как-то почти незаметно, секунда за секундой снижался темп торпедовского наступления. Вот уже полузащитники киевлян получили возможность приблизиться к центру поля... И вдруг атака, да какая! Ошибку делают торпедовские защитники — и тяжесть напряженнейшей игры обрушивается на их ворота! Великолепный, самоотверженный удар Турянчика — и мяч таранит взметнувшуюся сетку ворот! Гол!.. Что же предприняли торпедовцы? Да просто потеряли самообладание. Чем же иным можно объяснить мячи, летящие мимо в трех-четырех метрах от ворот, в короткие секунды, оставшиеся до конца встречи! Уверенность в себе дает превосходство. Только в этом случае сопернику можно навязать свою волю. Превосходство рождается гибким, тактическим творчеством. А, как го-

---

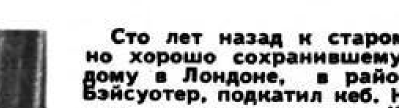
Времена и люди

«ДЖЕНТЛЬМЕН ИЗ РО

Л. Н. Толстой в 1861 году.

В. ВЛАДИМИРОВ

Сто лет назад к старому, но хорошо сохранившемуся дому в Лондоне, в районе Бэйсуотер, подкатил кеб. Кучер натянул вожжи. Кеб остановился. Из него вышел человек выше среднего роста, в модном, сшитом в талию пальто, известном под названием «пальмерстон», и в светлых перчатках. Не глядя, он протянул вознице монету и двинулся к дому. Кучер вежливо приподнял свой цилиндр. «Вероятно, из великосветских клубменов, — пробормотал он, — платит втрое и не оглядывается...»

Джентльмен постучал у двери молотком. Ему открыл слуга-француз. «Господин Герцен дома?» — спросил посетитель. «Как доложить?» «Скажите, гость из России».

Слуга сходил наверх и вернулся. «Мсье просит извинить, — сказал он, — но мсье очень занят и сегодня не принимает».

Гость поднял брови и вытащил из жилетного кармана визитную карточку. «Передайте это вашему хозяину», — сказал он.

Прошло несколько минут. Затем на лестнице послышались быстрые шаги. Сверху сбежал небольшой, плотный человек с густой бородой. Глаза его сияли.

Так впервые встретились два великих русских писателя — Толстой и Герцен — в марте 1861 года, в доме, носившем название «Орсетт-Хауз», в квартире Александра Ивановича Герцена.

Уже через несколько дней Толстой стал постоянным гостем в этом доме. Малолетняя Лиза Огарева называла его сокращенно «Левстой». Гость вел нескончаемые беседы с Герценом, играл на фортепьяно и пел севастопольскую песню собственного сочинения:

Как четвертого числа
Нас нелегкая несла
Горы отбирать, горы
отбирать...

«Детство», «Отрочество», «Юность» Толстого Герцен уже читал и был в восторге от «Севастопольских рассказов». От нового гостя словно пахнуло пороховым дымом недавней войны — войны одновременно героической и трагической. В тихом лондонском доме повеяло Россией, бурлящей, как котел под высоким давлением.

Толстой вел себя в Лондоне не как турист, а как человек, совершающий деловую поездку. Большая часть его путешествия по Европе была посвящена знакомству с народным образованием. Все это было связано с педагогической работой Толстого в яснополянской школе для крестьянских детей, основанной осенью 1859 года.

Профессор поэзии в Оксфорде Мэтью Арнольд написал Толстому рекомендательное письмо к учителям семи лондонских школ. «Я был бы очень обязан преподавателям вышеперечисленных школ, — писал Арнольд, — если б они предоставили возможность подателю сего, графу Льву Толстому, джентльмену из России, интересующемуся народным образованием, осмотреть их школы, а также дать ему те объяснения и сведения, какие он пожелает...»

Толстой ежедневно посещал либо школы, либо Кенсингтонский музей, где были сосредоточены экспонаты и таблицы по методике естествознания и техники. Он изучал десятками английские школьные учебники, отправил в Россию целый ящик педагогических и учебных книг, слушал лекцию Чарльза Диккенса по вопросам воспитания...

Автор «Николая Никльби» и «Давида Копперфильда» всегда был любимым писателем Толстого. Пожалуй, никто из тогдашних писателей не изобразил с такой силой все жестокости и нелепости воспитания детей в странах Запада, как Диккенс. «Он прекрасно читал, — говорил впоследствии Толстой,— и производил своей сухой, но сильной фигурой мощное впечатление».

Постановка школьного дела в Англии никак не могла увлечь Льва Николаевича. Энгельс в своей книге «Положение рабочего класса в Англии» указывал, что просветительных учреждений в этой стране было очень мало. «Немногочисленные дневные школы, доступные рабочему классу, могут посещаться только немногими, к тому же эти школы плохие, учителя в них — потерявшие трудоспособность рабочие или еще какие-нибудь ни на что не пригодные люди, которые стали учителями ради заработка...»

В свободное время Толстой неизменно посещал Герце-

Матч окончен. Новые чемпионы страны, киевские динамовцы, покидают поле.

Фото А. Бочинина.

ворится, в карете прошлого далеко не уедешь...

По характеру игры, по успехам московский «Спартак» явил собой в финале полную противоположность торпедовцам. Нет нужды говорить много о поразительном взлете «Спартака». Он у всех на памяти. Но что же в итоге? Только отсвет золотых медалей, которые мелькнули где-то очень близко. Конечно, хорош бурный взлет, но какой ценой он дается! Бесспорно, свинцовая усталость сковала в конце концов талантливую команду в самый решающий момент. А ведь все могло быть иначе, если б восхождение к вершинам было совершено равномерно и расчетливо, без необъяснимых «привалов» на дальних подступах...

— С ума они, что ли, сошли? — недоумевал один опытный тренер в футбольной ложе, увидев, как выбегает на поле молодой спартаковский игрок за несколько минут до конца матча «Спартака» с «Локомотивом».— Ну разве можно в такой напряженной обстановке посылать юнца «отыгрываться»?..

И нам припомнилось, как долго играл в центре нападения «Спартака» центральный защитник Анатолий Масленкин, в то время как молодой Валерий Рейнгольд сидел на скамейке запасных, нетерпеливо перебирая ногами, рядом с таким же нетерпеливым дружком Л. Адамовым. Припомнилось это и захотелось, чтоб в будущем сезоне такого не было.

...Цель этих заметок о минувшем чемпионате не подробный разбор команд, природы их успехов и неудач. Думается, что тысячи и тысячи поклонников футбола, независимо от того, какой команде отданы навек симпатии, могут быть довольны большим, интересным футбольным сезоном. Он был для нас очень важен как смотр сил перед недалекими теперь испытаниями в футбольной Мекке 1962 года — Чили. Вряд ли есть теперь сомнения в том, что наши ребята-футболисты поедут туда.

Но уж там, вдали от Родины, в труднейших испытаниях мирового чемпионата, придется отрешиться от всего, что мешало и еще мешает нам играть отлично на футбольных полях. Надо взять на вооружение все лучшее, что было найдено командами в большом футбольном споре, который сейчас нашел свое завершение в блистательной победе киевлян.

...ССИИ»

на. У обоих писателей было много общего. Оба они сходились на том, что буржуазно-мещанский строй Запада, как и русское самодержавие, не имеет будущего. Но Герцен — последовательный демократ и материалист, тяжело переживший крушение революции 1848 года,— мучительно искал революционных путей в будущее и в конце концов приветствовал Первый Интернационал, в то время как Толстой все более увлекался религиозной идеей «внутреннего самоусовершенствования» и рисовал идеальный тип русского крестьянина, который якобы и является подлинным носителем этой утопической идеи. Впрочем, идейные разногласия никогда не мешали Толстому и Герцену любить и уважать друг друга.

Оба они свято чтили память декабристов, оба ненавидели царизм и официальную церковь, оба бесконечно любили свою родину и народ и искали в них залог будущего. Для Толстого эта будущая родина, которую он называл «моей Россией», была страной крестьян. Сама натура крестьянства, по Толстому, отрицала всякую власть, насилие, произвол. Герцен не мог с этим согласиться, но с волнением впитывал новые веяния, пробудившиеся на просторах далекой родной земли.

Было еще одно общее в мировоззрении Толстого и Герцена—это глубокое разочарование в «мещанском болоте английской жизни». Герцен с предельной силой выразил эту мысль в своей работе о великом английском социалисте Роберте Оуэне. «Ваша статья об Овене (Оуэне. — В. В.) — увы! — слишком, слишком близка моему сердцу», — писал Толстой Герцену.

Вернулся Лев Николаевич в Россию в апреле 1861 года. С тех пор он Герцена не видел, но память о посещении Орсетт-Хауза сохранил на всю жизнь. И прежде всего автор «Войны и мира» ценил Герцена как художника. В «Яснополянских записках» доктора Маковицкого приведена фраза Льва Николаевича: «Герцен не уступит Пушкину. Где хотите откройте, везде превосходно».

В 1888 году Толстой пишет художнику Н. Ге: «Все последнее время читал и читаю Герцена и о вас часто вспоминаю. Что за удивительный писатель. И наша жизнь русская за последние двадцать лет была бы не та, если бы этот писатель не был скрыт от молодого поколения...»

В 1904 году Толстой сказал о Герцене: «Конечно, у меня много общего с ним, и главное, в чем я ему близок, это в его любви к русскому народу, и именно в его любви к характеру русского народа».

Через два года Толстой сказал своему английскому переводчику Э. Мооду: «Он (Герцен. — В. В.) поехал на Запад, думая, что найдет там лучшие формы. Там перед его глазами прошли революции, и у него появилось разочарование в западном строе и особенная любовь и надежда на русский народ... Русские политики могли бы с него пример брать, чтобы не повторять той же ошибки увлечения западными реформами...»

П. Сергеенко в своей книге «Толстой и его современники» рассказывает о посещении в 1908 году Ясной Поляны одним из почитателей Толстого, который перед этим объездил почти весь мир.

Сидя за чаем в уютной столовой, за окнами которой белели запорошенные снегом деревья, Толстой вдруг вспомнил Лондон 60-х годов, туман, улицы, кебы, лекцию Диккенса и, наконец, Герцена.

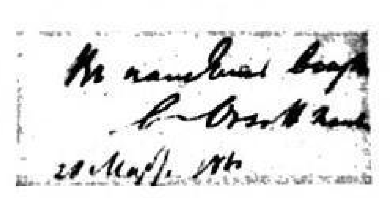
«— Кстати, куда девалась фотография Герцена с Огаревым, которую они мне подарили? — спросил Лев Николаевич, обращаясь к домашним.

Кто-то сказал, что фотография взята графом Сергеем Львовичем Толстым для отпечатания и распространения. Л. Н. сделал одобрительный знак и опять с особенным одушевлением заговорил о Герцене...»

Эту карточку Толстой получил в ответ на свой снимок, посланный в 1861 году Герцену и Огареву. Оригинал фото пока не найден, но, видимо, это такой же портрет тридцатитрехлетнего Толстого, как тот, который мы воспроизводим.

Н. Н. Гусев, известный биограф Толстого, в своей обстоятельной работе «Л. Н. Толстой, материалы к биографии» приводит десятки упоминаний Толстого о Герцене, сделанных на протяжении полустолетия.

Эта глубокая привязанность Льва Николаевича к человеку, которого он видел один раз в молодости, частое чтение сочинений Герцена, иногда даже вслух, постоянные сетования Толстого на то, что из русской литературы «выпал» великий писатель и мыслитель, лишний раз свидетельствуют о том, как глубоко понимал Лев Николаевич сложную жизнь большого русского человека, который искал за рубежом новых путей в будущее и, не найдя их, вернулся мыслью и чувством к родной стране. Гость Орсетт-Хауза до самого конца своих дней всей душой оставался со своим замечательным собеседником.

Дарственная надпись Герцена на фотографии.

Огарев и Герцен. Фотография, подаренная Толстому.

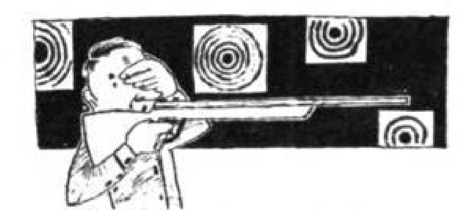
«Путешествие на волках»

Заметка под таким названием, опубликованная в № 42 нашего журнала за 1960 год, вызвала большой интерес у читателей. Они просили рассказать об этом путешествии подробнее. Вот что удалось выяснить.

...Лет шестьдесят тому назад жил в Чите кустарь Иосиф Репечек. Он ездил по деревням — чинил ведра, лудил самовары. Однажды на Репечека напала волчья стая и растерзала его лошадь. Тогда Репечек отыскал волчье логово, убил волчицу и взял двух волчат. Их выкормила собака. Повзрослевших волчат Репечек научил ходить в упряжке. Так и появился в Тюмени летом 1910 года ездок на волках. Здесь он выступал в балагане, показывая дрессированных волков, катал на них ребятишек.

Иосиф Репечек хотел добраться на волках из Сибири в Петербург, но по дороге умер.

Эти сведения и портрет Иосифа Репечека, снятого местным фотографом Родионовым в 1910 году, прислал нам пенсионер А. А. Иванов из Тюмени.

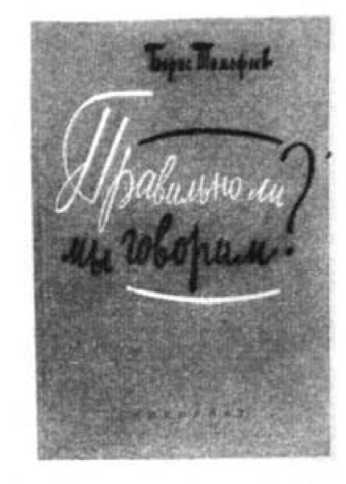
Случай в тире

Басня

Н. ПОЛОТАЯ

Метелкин,
автор слабеньких сатир,
Попал однажды в тир
случайно.
А в тире все необычайно.
Мишеней удивительный парад:
И «рвач», и «пьяница», и «бюрократ».
— А ну, Метелкин,—
кто-то вдруг заметил,—
Срази фигурки эти!
Ог-гонь!!!
...Трах! Тах!.. Та-тах!..
А «бюрократ» все на ногах.
Метелкин пули сыплет градом,
Гремит под сводами пальба.
В глазах Метелкина уж не угроза, а мольба:
«Да падай же, не будь ты... бюрократом!»
Но тщетно!
«Бюрократ» не по плечу.
Огонь повел Метелкин по «рвачу».
Стрелок потел и трижды выжимал рубаху,
Но даже «пьяницу» не сбил.
...Причина?
Просто трусом был
И, целясь,
закрывал глаза
со страху.

Симферополь.

Осторожно! Родной язык

«Язык — орудие мышления и средство общения. Говорить небрежно, кое-как — это значит небрежно и кое-как выражать свои мысли». Об этих кое-как выражаемых мыслях, небрежностях, коверкании нашей речи и написана книга Б. Тимофеева «Правильно ли мы говорим?» (Лениздат).

«Выбейте мне мозги», — просит у кассирши домашняя хозяйка.

«Я скучаю за ним»,— сообщает жена.

«Вы крайний?» — спрашивает гражданин у последнего в очереди.

«Порция солянки», — заказывает посетитель столовой, как будто ему могут подать московскую улицу Солянку, а не рыбную или мясную селянку.

«Окот ягнят». Разве овцы приносят котят?

«Пару дней...» Будто дни, как чулки, перчатки, ботинки, считают парами.

Есть школьные настенные таблицы по правописанию. Есть таблицы, напоминающие о том, что в словах: «договор», «портфель», «шофер» — ударение на последнем слоге. Но книга Тимофеева не «таблица». Тимофеев в занимательной форме отмечает неправильности речи, он спорит и доказывает, он берет за руку читателя и терпеливо отправляется с ним в маленькие путешествия в историю русского языка.

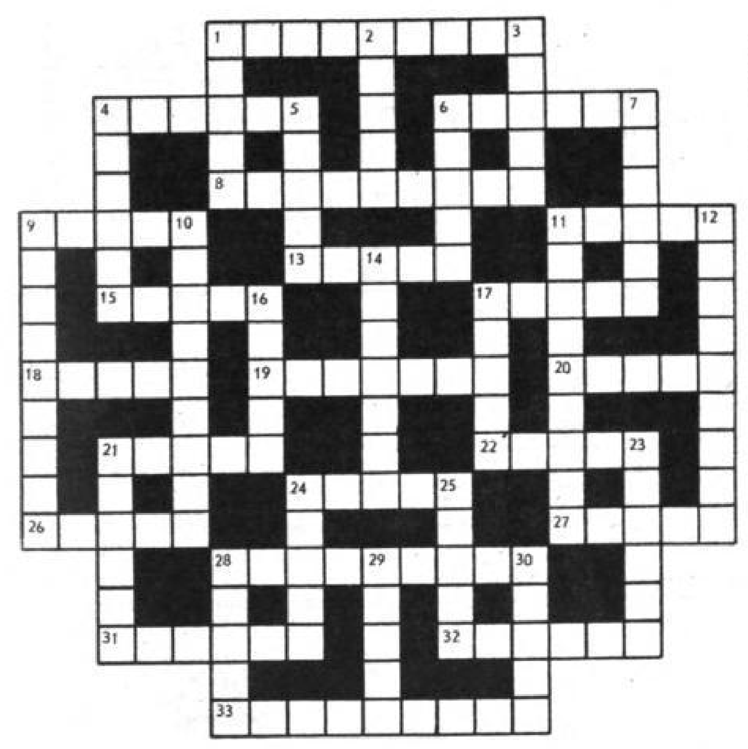
Мы знаем высказывания В. И. Ленина, протестовавшего против порчи языка. Много писали об этом наши ученые В. Виноградов, Р. Будагов, С. Ожегов. М. Горький учил молодых писателей бережно относиться к языку. Много сил потратил на борьбу с порчей языка Корней Чуковский. Ф. Гладков выступал против манерного произношения.

Когда-то С. Сергеев-Ценский писал: «Как... объяснить такое: Тургенев был орловцем, а я на заре туманной юности — тамбовцем; теперь же мы с Тургеневым стали: он орлов-чан-ин, а я — можете представить себе — тамбов-чан-ин! И я готов спросить кого угодно: не знаете ли, в какой бондарной мастерской сработаны эти неуклюжие «чаны»?»

Б. Тимофеев вынужден еще раз поговорить в книге об этих «чанах». Он говорит об искажении пословиц и поговорок, о «модных» словечках, о фамилиях и именах, о канцеляризмах, о брани и чертыхании.

И. УРАЗОВ

КРОССВОРД

По горизонтали:

1. Новый тип самолета. 4. Осветительный прибор. 6. Детский журнал. 8. Народная артистка СССР. 9. Одна из тригонометрических функций. 11. Игла для вязания. 13. Музыкальный инструмент 15. Гриб. 17. Последовательный ряд звуков. 18. Старейший русский ледокол. 19. Поэтическое предание. 20. Автор здания Русского музея в Ленинграде. 21. Вещество, выделяемое растениями. 22. Часть часового механизма. 24. Остров в Эгейском море. 26. Курорт на Черноморском побережье. 27. Река в Литовской ССР. 28. Основание сооружения. 31. Тонкая пилка. 32. Работник радио. 33. Государство в Центральной Америке.

По вертикали:

1. Ягода. 2. Город на Украине. 3. Животное семейства куньих. 4. Спортивная игра. 5. Кулинарное изделие. 6. Печатное издание. 7. Эластичный материал. 9. Специалист, изучающий пещеры. 10. Стилистический прием. 11. Русский писатель XVIII века. 12. Размах колебаний. 14. Химический элемент. 16. Лабораторный сосуд. 17. Раздел книги, статьи. 21. Передатчик космического корабля «Восток-2». 23. Построение в шеренге по росту. 24. Место торговли. 25. Щит для размещения экспонатов. 28. Птица. 29. Имя героя романа Э. Л. Войнич «Овод». 30. Огородное растение.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 43

По горизонтали:

5. Нэлепп. 7. Сеялка. 8. Бутлеров. 10. Поморник. 11. Руна. 12. Каниетра. 13. Шкот. 14. «Аппассионата». 17. Отзывчивость. 22. Бюст. 23. Рассудок. 24 Зунд. 26. Водевиль. 27. Комбинат. 28. Рибера, 29. «Риенци».

По вертикали:

1. Анабар. 2. Плетень. 3. Клиника. 4. Паркет. 6. «Перекоп». 7. Сумбава. 9. Выносливость. 10. Петрозаводск. 15. Плот. 16. Тент. 18. Зарница. 19. Сикомор. 20. Усадьба. 21. Пушнина. 22. Бовари. 25. Датчик.

На первой странице обложки: XXII съезд КПСС. В зале заседаний.

На последней странице обложки: Кремлевский Дворец съездов вечером.

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление Л. Шумана.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61. Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники—Д 3-38-08; Юмора—Д 3-32-13; Спорта—Д 3-32-67; Фото—Д 3-35-48; Оформления—Д 3-38-44; Писем—Д 3-36-28; Литературных приложений—Д 3-30-39.

А 00354. Подписано к печати 25/X 1961 г. Формат бум. 70×108 1/8. 3,5 бум. л.— 6,85 печ. л. Тираж 1 850 000. Изд. № 1928. Заказ № 2632.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

На заседании совета НАТО. ФОРМЫ РАЗНЫЕ, СОДЕРЖАНИЕ ОДНО.

Рисунок Ю. Ганфа.

Цена номера 30 к